

**СОЛЬ
СТЕНА**

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

**РААМ
РЮБЕРТС**

Адам Робертс

Соль

<http://www.oldmaglib.com/>

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158536

Соль. Стена: АСТ, Люкс; М.; 2004

ISBN 5-17-025018-5, 5-9660-0189-8

Оригинал: AdamRoberts, "Salt", 2000

Перевод:

Марина Панова

Аннотация

«Научно-фантастическая классика XXI века...»

"Романы поразительной силы и глубины, не уступающие даже "Дюне".

"От произведений этого автора надолго остается приятное послевкусие..."

Все это – и многое другое – сказано о "Соли" и "Стене" – романах, созданных дебютантом британской фантастики Адамом Робертсом и равно вызвавших восторг и у критиков, и у читателей.

Достаточно упомянуть, что "SFX" сравнивал "Стену" со "Страстями по Лейбовицу", а "Locus" писал о "Соли": "Лучший дебют в научной фантастике за десятилетия".

Что здесь скажешь еще?..

Содержание

1. ПУТЕШЕСТВИЕ	4
2. ЛЕВ И ЛИСИЦА	54
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Адам РОБЕРТС

СОЛЬ

1. ПУТЕШЕСТВИЕ

ПЕТЯ

Соль – это кристалл, состоящий из натрия и хлора: он с гранями и прозрачный. Простой и чистый. Без него немыслима жизнь. Он – как небесный алмаз, открывающий бесконечную изменчивость божественного промысла. Это маленькая частичка, атом. Но Бог не оставляет без внимания ни единой его крупички. Каждый кристалл – целый мир. Это огромный утес, алмаз величиной с гору, грандиозная глыба льда. В нем под разными углами отражаются доисторические мамонты, первобытные люди в шкурах, машины, деревья. Поверхность земли – это лист, гладкий, как полированный пластик, простой, как стекло.

Соль сочетает плохое и хорошее, Инь и Ян, Бога и Дьявола. Возьмем натрий, вкус жизни. Без него наше тело не смогло бы удерживать воду. Недостаток натрия приводит к смерти. Наша кровь – это раствор натрия. Однако натрий еще и металл, настолько мягкий, что из него можно лепить, как из

пластилина; белый с перламутровым отливом, он напоминает луну в безоблачную ночь. Бросьте его в воду, и он будет жадно впитывать волны, пожирать кислород и высвобождать водород с такой силой, что тот загорится. Из натрия состоят звезды. Престол самого Бога вырезан из натрия – в стиле рококо.

Но есть еще хлор, зеленый, газообразный и ядовитый – как испарения ада. Он обесцвечивает, обжигает, душит, убивает. Он тяжелее воздуха, а потому тонет, погружается обратно в ад, откуда явился. И вот они – мы с тобой балансируем между раем и адом. Мы из соли.

Мы путешествовали тридцать семь лет. Не считая восемнадцати месяцев, проведенных на орбите Земли, пока мы медленно ускорялись вместе с ракетами, которыми захватываются кометы. Я также не принимаю во внимание две недели, ушедшие на поимку ледяной глыбы, закрепление удерживающих захватов (моя непосредственная задача), установку горелок в зодиакальном порядке вокруг главного кабеля, уточнение ориентации. Затем мы начали набирать скорость в нужном направлении.

Комета, наше топливо и буфер, медленно ускорялась. Мы – это одиннадцать маленьких домов, нанизанные на центральный кабель как ракушки на детское ожерелье. Знаете ли вы, сколько времени потребовалось для достижения скорости, оптимальной для путешествия? При ускорениях более $1,1g$ это заняло год. Год с гравитацией, когда невозмож-

но погрузиться в транс, год в сознании, рядом с братьями и сестрами, детьми, друзьями и врагами, любимыми и бывшими любовниками. Год в ловушке, в тошноте от запаха пота и грязи, от переработанной пищи. Год игр, разговоров и размышлений, когда нечего делать и ничего нельзя поделать, есть только надежда на то, что комета принесет нас в новый мир.

И беспокойство, само собой, потому что многое может пойти не так. Комета может треснуть, развалиться на части, словно драгоценный камень под ударом молотка. Никто не застрахован от ошибок при установке крепления. Если задеть непрочные места кометы, при ускорении все начнет рушиться. А когда такое случается (я видел записи), вся ледяная глыба просто взрывается, крошится, как пепел от сгоревшего листка бумаги, распадается как буря – как буря соли. Потом, если ускорители еще не начали работать в полную силу, вы должны использовать драгоценное горючее, чтобы повернуть и медленно, очень медленно двигаться обратно... полет может продолжаться годами. Двенадцать лет в одном из известных мне случаев. Если вы уже набрали положенную скорость, ничто вас не спасет. Вы сожжете двигатели в попытке замедлиться, останетесь во мраке в пустоте. Без кометы, за которую можно ухватиться и лететь домой.

Лучший выход – плюнуть на все, уснуть в надежде, что протянешь еще пятьдесят, сто, тысячу лет и достигнешь места назначения без ускорения. Конечно, чуда не произойдет.

Вы сойдете с ума. Или без кометы в качестве буфера вас разорвет на куски детрит открытого космоса. Крупинка, маленькая частичка. Даже она может убить на скорости, близкой к скорости света. Именно из-за этого в полете мы прячемся за огромными кусками ледяных скал.

Иногда комете попадается слишком большое препятствие. Мы допускаем, что такое происходит, но очевидцев, конечно, нет, не выживает никто. Корабли пропадают навсегда. О некоторых из них мы даже не знаем. Мы думаем, что они прибыли на место назначения и двадцать световых лет назад послали сообщение об успешности перелета. И все эти двадцать лет мы верим, мы надеемся на лучшее. Но когда сообщение не приходит и через двадцать пять, и через тридцать лет, мы начинаем беспокоиться. Может, они все еще в дороге, задержались из-за какого-то бедствия? Может, они врезались при семикратной скорости света в среднего размера глыбу? Может, виноваты препятствия на пути? Космическая мина, подложенная Богом. Подумайте о столкновении, о его невероятной силе. Даже при наших кораблях, растянутых на километр позади буфера, результаты будут катастрофическими.

Мы такие хрупкие. Мы разрушаемся в необъятном пространстве, как соль в воде. Но не буду усиливать аналогию.

Рассказать ли вам о годе нашей жизни во время ускорения? Постоянное присутствие других людей; уединение становится отдаленно знакомым понятием. Одни справляют

нужду, другие, совсем рядом, вяло пережевывают свой обед, не удосуживаясь даже оглянуться по сторонам. Любовники совокупаются, а в двух шагах от них пожилая пара громко ругается, забыв обо всем. Нездоровый искусственный свет включается по утрам с грубой внезапностью; потом выключается вечером, как будто отнимая надежду.

Мрак наполнен вздохами, стонами, храпом, кашлем. Приглушенные беседы людей, лишенные обычной энергии, присущей ночной жизни. Самая темная из всех ночей, ночь в межзвездной дыре. В этом мраке кажутся святотатством громкие разговоры, танцы или пение. Слышно только бормотание сумасшедших и отчаявшихся. Любопытно, что речь человека, обращающегося к собеседнику, пусть даже невидимому и немногословному, так резко отличается от полубезумных разговоров с самим собой.

Знаете, что поразило меня больше всего в первые месяцы путешествия? Жуткие изменения кожи. Мы принимали витамины, пищевые минеральные добавки, однако цвет лица неумолимо портился, появлялись прыщи, пятна и карбункулы, сыпь. Прекрасная женщина, моя бывшая любовница... ее губы покрылись отвратительными язвами, те самые губы, которые я целовал со страстным упоением. Весь рот в красных мерзких ранах, как насмешка над ее очаровательным ротиком, как издевательство над человеческим желанием целовать в губы...

Но она была не единственной. Все мы чувствовали су-

хость кожи, замечали появление болячек. Я не решался даже подходить к зеркалу, просто не мог себя заставить. Слишком боялся увидеть, во что превратилось мое лицо. Меня всегда называли щепетильным в отношении внешности, некоторые даже имели наглость обзывать тщеславным. Возможно, они были правы, а этот год стал наказанием за мое честолюбие. Неисповедимы пути Господни, нам не дано понять их, как па незнакомого танца.

Мы потели, наша одежда воняла. Никто не утруждался постирать вещи, вместо этого мы лихорадочно придумывали себе занятие. Мы все справляли нужду в общую бочку, внутри которой специальные машины перерабатывали отходы и выдавали пайки для повторного переваривания. Мои слова вызывают отвращение? Наверное, я действительно отвратителен. Но вы должны понять, насколько все потеряло прелесть для нас. Робо-рестораны добавляли соль во все, но соль не давала нам вкуса к жизни. Флуоресцентный свет слепил, с течением времени зрение становилось все хуже.

Все увядало. Дружба, любовь, память. Мы просыпались с включением главных ламп и расходились по своим делам, зевая и почесываясь. Работали скорее по привычке, чем по необходимости. Мы еле удерживались от того, чтобы не заснуть днем, так изматывала ежедневная рутина. А ночью огни гасли, оставляя умирающий отсвет на панелях, затем приходила тьма, мрак космического пространства. Человек не выносит полного отсутствия света, ему нужно хотя бы слабое

свечение луны из-за черных облаков. Мы не могли уснуть, лежали с открытыми глазами и чуть слышно разговаривали друг с другом.

Мусором было завалено все кругом. Сколько уборок бы я ни назначал, казалось, грязи становится только больше. Появились вши. Никто не знал, откуда они взялись. Все пассажиры и все объекты внутри корабля подверглись стерилизации. Груз находился во внешних контейнерах и, соответственно, обеззараживался космической радиацией. Но гниды откуда-то все же возникли, и мы все заразились. Другие корабли избежали подобной участи, и это только усиливало наше горе, заставляло чувствовать себя специально избранными для страданий.

Откуда же взялись вши? Одни считали, что их занесли рабачие, которые собирали корабль на орбите. Другие воображали, что личинки вшей были заморожены в саму комету, а к нам попали с водой. Глупая выдумка, на самом деле мелкий лед с кометы тщательно обеззараживался, прежде чем попасть внутрь корабля. Но почему-то именно эта история повторялась чаще всего.

Слухи более убедительны, чем здравый смысл. Мне кажется, людям понравилось предположение, что они заразились космическими вшами, какими-нибудь доисторическими экземплярами из иных миров, которые спали до поры до времени в ледяной могиле, а потом оттаяли, чтобы питаться человеческой кровью. Мы брились наголо и применяли на

скорую руку выдуманные средства: это были белые слоистые субстанции из питьевой соды, которые мы ладонями втирали в свои лысые черепа. Я помню, как при очередной уборке помещений собрал такое количество пораженных человеческих волос, что засорилась очистительная машина.

Сказать ли вам, каков был процент самоубийств за время ускорения? Трое покончили с собой за первый месяц, но это скорее сказывалась тревога и подавленность из-за отбытия с планеты, чем корабельное сумасшествие. Через шесть месяцев – семь удачных суицидов и двенадцать попыток уйти из жизни. Почти все самоубийцы принимали смертельную дозу стандартных медикаментов.

На седьмой месяц кто-то украл шаттл. У нас имелась только дюжина шаттлов, поэтому они очень ценились, без них мы не могли обслуживать корабль. Вы когда-нибудь видели птиц? Конечно, у нас имелись птицы, как часть населения нашего ковчега, но они являлись несчастными созданиями с подрезанными крыльями и были заключены в клетку, которой служил наш корабль. Для нас они стали не ангелами, как задумывалось, а гадящими машинами, загрязнявшими наш дом. Но, глядя на них, можно заметить, насколько они чистоплотны, как тщательно они за собой ухаживают. Они пестуют каждое перышко, потому что, если оперение не будет в идеальном состоянии, птицы не смогут летать. Мы – те же летающие создания, но только летящие не по воздуху...

Самым популярным заданием считалась работа на шатт-

ле, потому что она давала иллюзию ухода. Бегство с корабля, пусть всего на несколько метров... Проверка поверхности аппаратов, кабеля, путешествие с новостями или товарами вниз или вверх по кабелю к соседним кораблям. Как же мы ценили полеты на шаттлах!... Я твердо уверен, что в такие командировки назначали не всегда в соответствии с порядком, существовало взяточничество и подкуп сексом. Это назначение стало среди нас чем-то вроде валюты. А почему нет? Я бывал на каждом из одиннадцати кораблей, когда они еще строились на орбите. Все мы видели их. Корабль над нами, «Сенар», как две капли воды похож на наш – точно так же, как и корабль под нами, «Вавилон».

Люди были такими же, и до полета мы старались избегать друг друга. Каким же ограниченным становится человеческое сознание; теперь для нас поездка вдоль кабеля, смакование тепловатой водички с сенарцами оказалось сравнимым с путешествием на гору Сион, посещением земли обетованной.

И вот... эта женщина (ее имя – Катарина, насколько я помню) заполучила назначение на шаттл. Она порезала ножом своего партнера по заданию в воздушном шлюзе. Порез был очень глубоким, он не затягивался многие и многие месяцы – в нашем воздухе раны не желают заживать. Короче, она украла шаттл и во время полета сожгла двигатели. Топливо горело, горело слишком ярко, а потом – внезапная слепящая вспышка, и все.

Вы скажете, что женщина переоценила возможности механизмов, но сделано это было намеренно. Катарина перелетела через два последних корабля и врезалась в якорь на конце кабеля. Столкновение, скомканный шаттл и взрыв. Теперь говорят, она не собиралась попадать в аварию и устраивать зрелище из собственной смерти. Говорят, женщина сошла с ума из-за ребенка, которого оставила на Земле, что она надоедала капитану просьбами вернуть ее домой. Но обратного пути не было, и Катарина лишилась рассудка, забрала шаттл и попыталась улететь, но не рассчитала свои силы и попала в аварию. Надо быть ненормальной, чтобы всерьез надеяться вернуться на Землю: мы летели уже семь месяцев. Слишком далеко. А много ли на шаттле воды и воздуха?

Но она была всего лишь самой эксцентричной из всех самоубийц. Как жаждали мы новостей! И все же – как быстро мы устали вспоминать это единственное стоящее событие на все путешествие. Как бы нам ни надоело это происшествие, мы продолжали говорить о нем снова и снова. История женщины, ее семья, мотивы ее поведения...

А что же я? Рискую показаться бессердечным, признаюсь, что больше всего боялся за якорь. Я сам крепил его. Работал неделями над балансировкой отдельных частей, чтобы ни одна из них не оказалась больше остальных. В системе назначения плавка металла довольно редкая вещь. Кроме того, у нас были запасы атомарного кислорода, собранного на Юпитере. Семьдесят пять тысяч тонн. Они находились как

раз в месте аварии, вместе с сетями архитектонического кабеля. Катарина могла взорвать все это, что стало бы большой неприятностью. Но якорь выдержал.

Что бы ни говорили, я знаю: Катарина хотела столкнуться с якорем. Это было в ее стиле. Она не выносила медлительности и ожидания. Слава богу, она не полетела вверх по кабелю и не врезалась в комету. В противном случае никто не остался бы в живых.

Потом последовал суицидальный бум. Все говорили только о Катарине; больше говорить было не о чем, для некоторых самоубийство стало чем-то вроде навязчивой идеи. Когда день за днем думаешь об одном и том же, приходит минута, когда проще попробовать самому, чем продолжать размышления.

Люди закалывались, травились, кидались с башен. Дюжина умерла, гораздо большее количество осталось калеками.

Мы провели собрание в очень узком кругу (как иерархи), и определенные техники (я, женщина по имени Татя, трое геологов и специалисты по посадке) составили комитет по борьбе с бедствием. Одни пытались уговаривать людей участвовать в увлекательных конкурсах и викторинах, другие организовывали футбольные матчи. На всякий случай мы запретили полеты на шаттлах всем, кроме членов нашей группы, что, понятно, восторга не вызвало. Пошли пересуды. Решили, что я наложил вето на полеты в отместку за то, что мое имя ни разу не появлялось в списках назначений. Но

у меня никаких эмоций эти списки не вызывали — из-за того, что их составляли в зависимости от величины взятки.

Так я получил свое первое назначение на шаттл. Мой путь лежал вверх по кабелю к «Сенару» с сообщениями и так называемыми товарами, в основном живыми птицами и их мясом: на «Сенаре» птиц не было. Именно тогда я встретил капитана Барлея. Кажется, я говорил с ним пару раз до отлета. Когда я еще поддерживал связь со своим коллегой с «Сенара» в начале путешествия, у них был другой капитан. Здесь проводили время в политических играх и интригах. Наверное, предыдущего капитана сочли тираном. К тому времени, как я состыковался с «Сенаром», он был уже мертв.

Я постоял под душем из содовой воды в воздушном шлюзе, получил бумажную одежду и прошел внутрь. Мне дали стакан прохладной воды, то есть стаканом это было трудно назвать, скорее наперсток. Сенарцы стали вокруг меня в соответствии со своими рангами, которые мало что для меня значили. Сначала я даже не знал, с кем мне говорить. Барлей тоже был там. Он представился. О да, конечно, мы встречались. Это был рыхлый мужчина, который явно старался скрыть собственную дородность: воротничок врезался в толстую шею, а пояс сдавливал подобие талии. Лицо его имело цвет винограда, глаза вылезали из орбит. Но он знал правила игры и поднялся до верхушки иерархии, он низложил Тирана.

Конечно, они интересовались только смертью Катарины.

Так было на каждом из кораблей. Это самоубийство стало главным событием путешествия. Но если на другом корабле мне бы налили холодной воды и, как на поминках, посмеялись бы и поплакали вместе со мной, обсудили бы опасность корабельного сумасшествия, то на «Сенаре» все было иначе. Офицеры потягивали напитки, хмурились, ставили наперстки на стол, будто те были заразны. Потом Барлей начал хриплым голосом говорить об опасности, которую принес наш корабль.

– Корабельное сумасшествие действительно страшная вещь, капитан, – согласился я.

Он ответил, но не стал обращаться ко мне по имени или званию, как сделал я. Судя по его же схеме поведения, это было большой ошибкой. Но меня это не задело.

Он сказал:

– Мы должны принять меры предосторожности, чтобы предотвратить подобные инциденты. А что, если бы она полетела вверх по кабелю? Вы представляете себе масштабы трагедии?

Я сам думал о том же, но возразил ему (потому что именно так следует вести себя на «Сенаре»):

– Вы неправильно поняли ситуацию. Катарина скучала по дому. Она оставила там маленькую дочь с мужем, который отказался лететь. Она лишилась рассудка из-за разлуки с ребенком и решила к нему вернуться. Но женщина оказалась плохим пилотом и сожгла двигатели, потом произошла ка-

тастрофа.

Последовало неловкое молчание, офицеры смотрели на меня.

– Можете посмотреть записи и увидите все своими глазами, – заметил я.

– Наша проблема, техник Петя, – начал было один из офицеров, как видно младший, потому что другой сразу его перебил:

– Это, очевидно, проблема дисциплины, так? Не представляю, чтобы кто-то из наших людей совершил подобное.

– Неужели у вас нет случаев корабельного сумасшествия? – съязвил я. Но на «Сенаре» иронии не понимали, они замотали головами со всей серьезностью. – Я поражен.

– Вы могли бы перенять наш опыт и начать тренировать своих людей по нашим методикам, – предложил офицер.

Это было чистым оскорблением. Я залпом выпил свою воду и поднялся уходить. Но капитан Барлей жестом пригласил меня сесть обратно.

– Нужны ли нам ссоры, техник? – рыкнул он. – Может, останемся друзьями? Вы должны понимать нашу озабоченность. Мы беспокоимся не только о нашей, но и об общей безопасности.

– Мы собрали специальный комитет и... составили постоянный список для назначений на шаттлы, – возразил я. – С нашей стороны нет никакой опасности для остальных кораблей.

– Сядьте, пожалуйста, техник, – попросил он. Я сел, о чем вскоре пожалел.

Он кивнул и сказал:

– Мы считаем, что делу помогло бы создание на вашем корабле постоянного совета управления.

– Постоянного?

– Именно, с функциями правительства.

И тут Барлей начал читать мне лекцию о политике, а я обиделся и плюнул на пол.

Он притворился оскорбленным:

– Мы что, даже посоветовать вам не можем?

– Чтобы переделать нас по своему образу и подобию? Нет уж, спасибо.

– Но мы ведь части одной федерации? Мы будем жить в одном мире? Мы верим в одного Бога?...

К концу речи его голос приобрел льстивые нотки.

Я снова поднялся и пошел обратно. Пока я добирался до воздушного шлюза в своей нелепой бумажной одежде, Барлей шагал за мной, а за ним следом спешили все младшие офицеры.

– До начала путешествия между нашими кораблями существовали довольно прочные связи. Многие ваши люди посещали «Сенар», а наши проводили достаточно времени на «Алее», – внезапно сказал Барлей.

Я остановился, ожидая пояснений. Он продолжил:

– Я думаю, что у некоторых из моих людей подрастают

дети на «Алее».

Его голос посерьезнел.

– Это, несомненно, дело матери. В конце концов, рождает женщина, а не мужчина, – ответил я.

– Ребенок принадлежит своей семье, – заметил Барлей. – А отец – это часть семьи.

Именно тогда между нами встал вопрос о детях сенарцев.

Я не особенно думал об этом, летя обратно с коробками программного обеспечения и кое-какой пищей на борту. Впереди оставалось только пять месяцев ускорения, затем нас всех введут в состояние транса, и проблемы улетучатся сами собой. Однако тот разговор о детях стал зерном, брошенным в благодатную почву.

Суицидальный бум наконец исчерпал себя. К концу ускорения от безумных мыслей людей отвлекло приближение периода транса. Мы распустили комитет, и общество вернулось к нормальному состоянию. И вот мы достигли оптимальной скорости. По мере прекращения работы ускорителей гравитация начала уменьшаться; мой вес становился все меньше и меньше. Мы прыгали выше и выше. Теперь всем было весело и хорошо, казалось, что большая часть пути уже позади.

Когда гравитация исчезает, всегда поднимается кровяное давление. Голова становится тяжелой. Но через пару дней это проходит, и тогда можно впасть в транс. Вы должны делать следующее: забираетесь в костюм, в который закачи-

вается специальный коллоид в районе шеи и выводится из нижней части левой штанины. Вы будете лежать без движения десятилетия, поэтому кожу надо умягчать и питать необходимыми веществами, иначе она постареет. Затем вводите иглу в сонную артерию, чтобы питательная смесь, насыщенная молекулами кислорода, могла поступать в вашу кровь. Эти молекулы выделяют живительный газ постепенно. Пройдя сквозь замедляющий фильтр, они смогут продержаться в кровяной системе до нескольких месяцев. Молекулы будут снабжать кислородом все мускулы и ткани, черпая энергию для функционирования в самой среде обитания. И последнее.

Перед тем как надеть маску, позаботьтесь о пневматическом электротренажере в своем костюме. Он станет сокращать каждую мышцу тела по очереди. Вы будете потягиваться, как это делает кошка, но медленнее в тысячу раз. Мышцы не должны спать, иначе через тридцать – сорок лет от них ничего не останется. Ну, вот и все, техник надевает вам на лицо маску, вы чувствуете медленный ток коллоида по подбородку, носу, щекам, лбу. Теперь принимайте таблетку, которую все это время держали под языком (впрочем, можете проглотить ее в самом начале, как вам больше нравится).

Некоторые люди плохо переносят наступление транса, они впадают в панику из-за отсутствия дыхания или даже еще раньше, в тот момент, когда им надевают маску, и они перестают видеть. Но я всегда любил эти ощущения. Таблет-

ка начинает действовать очень медленно, и ты куда-то улетаешь, наступает полный покой, все остается где-то далеко. Не нужно двигаться, костюм сам сокращает мышцы в бесконечной заботе и с невероятной точностью. Ты не беспокоишься даже о дыхании. Вы когда-нибудь думали, насколько это утомительно – постоянно совершать дыхательные движения, и днем, и ночью? Под влиянием таблетки в голове все смешивается, как после отличной воды, и остановка дыхания приносит облегчение. Все спит. Сознание растворяется.

Поднимается волна, заворачивается и разбивается о бесконечный пляж с великолепным белым шумом. Еще одна. Еще.

От таблетки клонит в сон, но вы не спите все тридцать шесть лет транса. На других кораблях практикуется искусственно провоцируемая кома, как вы, наверное, знаете, но только не на нашем. Спрячьте тело в ящик и погрузите его в кому. Выведите из этого состояния в конце путешествия. Очень просто. Единственная проблема – процент смертности. В зависимости от техники погружения он может достигать двенадцати. Это слишком много для одной команды. Хуже того – сам процесс превращается в игру со смертью. Станете ли вы ложиться спать, если знаете, что имеете реальный шанс не проснуться?

Процент смертности в случае транса гораздо ниже. Например, наш корабль потерял только двух человек. Потому что транс – это не кома, сознание не теряется, оно уходит в

причудливый мир без ощущений. Вы не чувствуете ничего, даже сердцебиения. Мозг не отключается, но и не остается ясным.

Рассказать, на что это похоже? Прежде всего, транс напоминает сон в приятной темноте. Это как возврат в младенчество. И в какой-то момент (трудно сказать точно когда) вы внезапно просыпаетесь, все еще в темноте, и смутные образы перемешиваются с мыслями на границе сознания. Вы снова засыпаете, просыпаетесь, а мозг все работает, составляя из привычных понятий причудливые картины. Сон, пробуждение, сон, пробуждение... Но сны снятся вам реже и реже, а потом перестают беспокоить воспоминания. Вы никто и нигде. Нирвана. Вашего не достигает слуха отдаленный рев двигателей, нет гравитации, заставляющей постоянно ориентироваться в пространстве. Нет дыхания, нет биения сердца. Нет ощущения времени. Моменты тьмы и тихого существования сливаются воедино, и уже нельзя понять, сколько лет все продолжается. Только медленные ритмичные сокращения мускулов, затем расслабление. И хотя это происходит настолько медленно, что занимает целые сутки, работа тела становится для вас подобием дыхания. Спокойные, сопутствующие жизни действия, вскоре вы прекращаете их замечать.

А потом начинаются внезапные конвульсии, рваное нелепое ощущение. Вы понимаете, что просыпаетесь, и осознание приносит раздражение. С вас снимают маску, даже неяр-

кий свет слепит глаза. Вы кашляете и моргаете, освобождаете легкие от жидкости, принимаете душ, смываете слизь с тела, одеваетесь.

Вы пребывали в трансе двенадцать лет, а чувствуете себя так, будто проспали одну единственную ночь. Теперь настало время для шести месяцев выполнения своих обязанностей на корабле. Поддержание функционирования технических систем, назначения на шаттлы. Посиделки с полудюжиной проснувшихся коллег. Вы разминаетесь, работаете, приучаете свое разленившееся тело к гравитации. Снова знакомитесь со скукой, о которой вас заставил позабыть транс. Но вот ваш долг выполнен, и можно снова залезть в костюм, вернуться в состояние покоя.

Опять волна настигает, поднимается, разбивается о красный песок. Еще одна. Еще.

И еще.

Время растворяется.

При нулевой гравитации тело стареет примерно на один год за десять лет. В темноте отдыхает мозг.

Я записался в этот полет в возрасте тридцати одного года, а когда мы прибыли на Соль, мне исполнилось семьдесят два. Но в то же время мне не было больше сорока.

Мы пересекли расстояние между мирами при 0,7 скорости света, что означало необходимость долгого торможения в конце путешествия. Но весь этот год перед прибытием мы пребывали в радостном возбуждении. Техники подсоедини-

ли компьютеры, запустили буксиры, чтобы повернуть весь флот на 180 градусов. Когда комета оказалась позади кораблей, включили двигатели и начали торможение. Вначале нас буквально прижало к полу с довольно ощутимой силой в 2g. Но мало-помалу люди привыкали к тяжести, торможение усиливалось, а гравитация росла. Теперь хорошо было видно яркое пламя нашего нового серебристого солнца.

БАРЛЕЙ

Планета, известная нам сейчас как Соль, вначале называлась Небель-2.

Естественно, это было только временное обозначение, придуманное астрономами. Про дом так не скажешь, но и к новому имени планеты я до сих пор никак не могу привыкнуть. Оно фиксирует внимание лишь на безрадостных сторонах, негативных проявлениях этого мира, тем самым способствуя появлению неприязни к нему. Я бы назвал ее Кесеф. Это древнееврейское слово, означающее «серебро». Планета, когда смотришь на нее из космоса, вся окутана бело-серебристым чудесным сиянием.

Серебро – еще и драгоценность, осознание этого может приучить поселенцев ценить мир, созданный Богом для нас, для нас всех. В Книге Исхода (26:19) утверждается, что столбы в молельне Господа сделаны из серебра, а Захария (6:11)

говорит, что священный венец тоже серебряный. Все это, а также другие примеры убеждают меня в благословенности этого металла. Однако название «Кесеф» не завоевало популярности, поэтому я вынужден говорить «Соль».

Соль – планета с гравитацией чуть более 8g. У нее нет лун, колец и других подобных феноменов. Действительно, в местной звездной системе не хватает многого из стандартного набора астрономических причиндалов, известного науке. Здесь существует всего три планеты, одна на ближней орбите, вторая точно на расстоянии в астрономическую единицу от первой, и третья – газовый гигант – со слегка эллиптической орбитой. Последняя планета, мир из аргона, хорошо видна в ночном небе. Она носит излишне вычурное, по моему мнению, название «Гадрос» – в переводе с греческого «единорог».

Отсутствие достаточной силы гравитации, отталкивающей блуждающие астероиды и кометы, должно привести к постоянным безжалостным бомбардировкам Соли космическим хламом и, как следствие, исчезновению на ней любой жизни. Как объяснили мне наши ученые, имеются определенные показатели, доказывающие, что на планете случались метеоритные дожди. Но сложность и устойчивость тамошней растительной жизни позволяет предположить, что со времени последнего значительного столкновения с облаками космического мусора прошли миллионы лет.

Конечно, вокруг системы вращается немалое количество

комет и метеоритов, но большинство из них находятся далеко от системы на орбитах, отличающихся от эллиптической на несколько порядков. Вначале мы опасались астероидной бомбардировки и даже начали строить планы относительно защиты сенарцев и важнейших объектов еще на орбите (впрочем, мы так и не построили щит из-за непомерной стоимости проекта). Но со времени нашего поселения падения метеоров случались достаточно редко.

Мы переслали всю информацию на Землю, как и полагается. Но пройдет двадцать пять лет, прежде чем там получат сообщение, и еще двадцать пять, прежде чем мы примем ответ из бесконечной ночи. В таких обстоятельствах мы поступаем так, как поступали остальные колонии, то есть вполне справедливо: мы мысленно перестаем считать себя землянами. Вы молоды и никогда не знали моего родного мира, он мало значит для вас, хотя, насколько я знаю, в других городах существуют молодежные организации «патриотов Земли». Но даже тем из нас, кто рожден на Земле, трудно сохранять отчизну в сердце. Мы – новый мир, новое начало. Рассвет не может постоянно вспоминать полночную луну.

Трудности с поселением начались, конечно, гораздо раньше, чем появились споры по поводу планов защиты от астероидов. Я полагаю, мой долг – вспомнить об истоках нашей войны, рассмотрев отдельные моменты великого путешествия, а может, даже и более ранний период. Мне это исследование не приносит никакого удовольствия. И я не на-

мерен тратить время на оправдание себя и своих действий. Все, что я предпринимал, было необходимо для счастья моего народа. Для моего общества, моего племени. Для этой нации и ради ее преданности Богу. Говорят, история – нечто большее, чем просто хроника. История без суждений, политики, верований пуста.

Наверное, лучше всего начать с упоминания той гармонии, необходимого баланса свободы и долга, которая царилла на «Сенаре» во время полета и после прибытия на Соль. Это аналогия с музыкой. Я люблю музыку. Сенарский народ разделяет мою страсть. Чтобы овладеть клавишными инструментами – я предпочитаю именно их, – нужна дисциплина, прилежание, кропотливая работа и самоотречение. Но как только вы достигаете определенной ступени мастерства, игра приносит вам такую свободу, о какой алсиане и не мечтали. Точно так же сама музыка заключает в себе и ограниченность нот, обозначающих строго определенные звуки, и невероятную свободу в их сочетании. Дорогу, которую проложил композитор, дорогу, с которой нельзя сворачивать (кто осмелится «улучшать» произведения Баха, Бетховена?), а еще небольшой туннель вашего самовыражения, вашей индивидуальности. Без этого музыка не существует как таковая. Нация – это композиция, соната в людях. В ней должна присутствовать гармония, или существование ее будет напрасным. Итак, вся история моего народа, все то, о чем я вам рассказываю, это определенного рода симфоническая

поэма, гимн энергии и целеустремленности наших людей. Прежде, чем начать, я хочу сразу опровергнуть слухи, которые распространяют алсиане. Мы действительно перед отлетом с Земли загрузили на борт игольчатые пистолеты. Но абсурдно утверждать, что это противоречит условиям договора между кораблями, подписанного перед путешествием. В соответствии с документом на борт разрешалось брать все, что будет помогать самостоятельной жизни в иных мирах. Между прочим, там же оговаривалась необходимость взаимопомощи между поселениями, что совершенно проигнорировали алсиане. Естественно, самостоятельность означает кроме прочего способность к самозащите.

Мы никогда не скрывали, что у нас на корабле есть оружие, как заявляют алсиане. Слово «скрывали» предполагает намеренный уход от вопросов, а указывать в списках каждую мельчайшую деталь багажа нам никто не приказывал. Это противоречило бы духу и реальной организации подобного грандиозного проекта. Кроме того, все обвинения алсиан в провозе иглопистолетов ничто в сравнении с тем, что они сами же часть их и украли у нас при первой же возможности, нарушив одну из священных заповедей. Они не гнушались и использовать оружие. Слишком много людей, некоторых из которых я считаю членами своей семьи, погибли от их рук. Я никогда не смогу простить им этого.

Представители всех одиннадцати кораблей приняли на специальном собрании «Конвенцию» и «Закон о союзниче-

стве», чтобы жить в мире и согласии. Долететь до далекой звезды и построить там новый дом – непростая задача. На самом раннем этапе подготовки к путешествию мы получили показания спектрографа [информация под индексом а%х '1895 спектрограф' не найдена, попробуйте продолжить поиск в другой базе данных, например, «классическая наука»]. Согласно полученным сведениям, на планете существовали большие запасы воды (на самом деле цифры оказались преувеличенными), а следовательно, богатая растительность и разнообразный животный мир. Мы могли бы спокойно и гармонично сосуществовать в новом мире, построить еще один Сион в небесах. Предварительные переговоры участников путешествия обещали мир.

Перед полетом я встречался с Петей Церелемом дважды. В то время я еще не поднялся до звания капитана и носил погоны младшего лейтенанта. В мои обязанности входило сотрудничество с представителями командования остальных кораблей для налаживания контактов, которые могли понадобиться во время путешествия. В большинстве случаев я справлялся с задачей без проблем: структура управления на «Новой Флоренции» и «Элевполисе» напоминала нашу. На «Йареде» и «Смите IV» мои усилия также увенчались успехом.

Но «Алс» не походил ни на один из кораблей. Начнем с того, что я имел дело с женщиной по имени Марта Церепес. Однако она не имела никакого официального статуса, пото-

му что алсиане не признают ни должностей, ни правительства, ни чего-либо подобного. Эта Церепес по списку получила задание контактировать с остальными кораблями. Список составлял компьютер, чьи программы – и это невероятно! – нельзя переписать, не разрушив все файлы. В такой системе нет места гибкости.

В самом начале нашего сотрудничества Церепес получила другое назначение, что-то вроде мелких работ по кораблю. Меня представили другому офицеру, я не запомнил его имя. Настало время действовать. Главным техником в то время был Церелем, с ним я и связался. Представители всех кораблей на голосовании признали его профессионалом, которому можно доверить швартовку флота к комете. Мне казалось, что, как самый выдающийся или, в конце концов, как самый известный среди алсиан, он мог бы принять на себя командование – по крайней мере на время путешествия. Все-таки строгие нормы поведения в Дальнем космосе требуют жесткой системы управления, как ни крути. А если анархия столь дорога алсианам, они могли бы возродить ее в собственном государстве, когда мы прибудем в пункт назначения. Я объяснил все это ему. Но Церелем нахмурился, словно обиженный ребенок.

– Я вас не понимаю, – ответил он.

Тогда Петя был молодым мужчиной маленького роста, слишком резвым, на мой взгляд. Он носил на себе примечательную коллекцию тонкой одежды, грязной и невыглажен-

ной. Каждая вещь надевалась поверх предыдущей, что так типично для алсиан (конечно, мы предложили ему одноразовый костюм после душа). Но он хотя бы умывался и стриг волосы, чем, по-моему, его товарищи себя не утруждали. На узком лице Пети красовался прямой, чуть загнутый нос, напоминавший корабельный якорь. В углах рта собирались глубокие морщинки. Но глаза походили на женские; голубые и какие-то мягкие. В них не было стального блеска, присущего настоящему вождю. В день смерти именно такие глаза увижу я у Бога. И все же его поведение изумляло, даже оскорбляло. Чего только стоила эта алсианская манера говорить полунамеками, исподтишка издеваясь над собеседником.

– Я не понимаю, – снова сказал он, на этот раз насмешливо. Я дипломатично промолчал. Улыбнулся.

– Но, как ученый, вы же согласитесь, что порядок в системном построении любого живого существа просто необходим, – заметил я. – Хаос неприемлем, он противоречит природе вещей. Мы вместе можем создать огромный организм.

Но все мое красноречие пропало втуне. Петя начал говорить о свободе, которую проповедуют эти люди, о невозможности учреждения правительства. О необходимости упразднить все политические структуры, чтобы на первый план вышел индивид (причем слово «политические» прозвучало в качестве ругательства). Церелем разглагольствовал еще дол-

го, но мы-то знаем, что все эти речи о независимости являются всего лишь оправданием собственной вседозволенности и аморальности.

Пока строились наши суда, многие народы побратались. Некоторые корабли – «Вильям де Морган», «Грей Лантерн» и «Корона», насколько я помню, – ввели комендантский час и запретили доступ на борт всем, кроме собственного экипажа. Обычно такие меры принимались по религиозным соображениям и потому встречали понимание. Но на «Алсе» не существовало никаких ограничений. Люди приходили и уходили, появлялись там и наши. Сейчас безнравственность, которая у всех ассоциируется с алсианами, приобрела сексуальный оттенок. Многие мои люди пали жертвой соблазна.

Это довольно неприятная тема. Хотя мы и должны внимательно рассмотреть ее как возможную причину возникших впоследствии проблем, у меня нет никакого желания углубляться в подробности.

В отличие от большинства цивилизованных обществ, алсиане запрещают мужчинам пользоваться контрацептивами. Сильному полу отказано в контроле над рождаемостью, отказано в праве, данном им Богом. Вместо этого применение противозачаточных средств является целиком заботой женщины. Она даже не скажет, собирается ли она зачать ребенка или нет, а алсианскому мужчине не придет в голову спросить. У отцов нет никаких прав. Напомню, что человек вообще не имеет прав как таковых по законам анархии.

Между несколькими членами моего экипажа и женщинами с «Алса» возникли недоразумения, результатом которых стали незапланированные беременности. За несколько недель до старта состоялся мой второй визит на «Алс». Я говорил с несколькими людьми в попытке вернуть детей отцам, которые в соответствии со всеми правилами имели одинаковые права с матерями. Существовало два решения: мы могли предоставить матерям жилье на «Сенаре» или же установить порядок посещения «Алса» отцами. Но никто не собирался обсуждать со мной эту проблему. Меня встретили пустые лица, в глазах было непонимание. Алсиане не только были совершенно уверены, что дети принадлежат матери до полового созревания – а после этого, похоже, вообще никому, – но даже и не представляли, что может быть иначе.

Я снова и снова боролся за права семьи – ибо что есть племя, как не большая семья? – но меня не слушали. Или, если быть точным, слушали, но не слышали. Вот и еще одна привычка алсиан, доказывающая их социальную неадекватность. Они слушают вас и отвечают на вопросы, но только если вы вызвали у них интерес. Если им скучно, пусть совсем чуть-чуть, они просто уходят без элементарного «до свидания». Я сталкивался с подобной грубостью много раз.

Проблема детей вызвала большой скандал. Только «поимка» кометы и последовавшая за этим спешка и занятость вытеснила ее на второй план. Мы упустили момент, когда что-то еще можно было изменить. После старта все офицеры за-

няли свои места на «Сенаре», и контакт с детьми прервался. Я иногда думаю, что, если бы мы до путешествия решили этот вопрос, возможно, войны и не случилось бы. Но ничего не поделаешь. Мы «поймали» комету и вскоре летели к новому миру, все больше удаляясь от родины.

Год ускорения – трудное время. Заниматься почти нечем, и слишком легко горе поглощает все мысли. Офицеры, зачавшие детей, конечно, потеряли уважение, но они все еще оставались членами команды. Из них самым старшим по званию был подкапитан, его понизили до майора, а на освободившееся место назначили меня. В основном из-за алсианских женщин пострадали военные, лишь некоторые гражданские и техники присоединились к ним в несчастье. Они собирались вместе и делились переживаниями.

Многие симпатизировали беднягам. На сочувствие скорее всего подталкивала сама атмосфера, создавшаяся на корабле во время ускорения, то есть пребывание в ограниченном пространстве, которое вызывало что-то вроде клаустрофобии. Возможно, здесь повлиял факт близости скандала к верховному командованию. Я лично знал подкапитана Белтане и уважал его. У него умерла жена, и несчастного Белтане околдовала алсианка. Карьера перестала иметь для воспылавшего страстью мужчины всякое значение.

Это был период, когда люди легко поддавались эмоциям. В тот момент, да еще в обстановке назревающего скандала, ситуация могла выйти из-под контроля. Тяжелое время

требовало жесткого руководителя, образца достойного поведения. Но капитан Туриан оказался медлительным человеком. Он видел только предательство, другая сторона истины ускользала от его понимания.

Как подкапитан, я попытался успокоить людей. Организовал спортивные соревнования, музыкальные фестивали. Церковные хоры состязались за звание лучшего. Проводились фортепьянные концерты. Мы собрали семь футбольных команд, объединили их в лигу и устроили двухкруговой турнир. Футбол пользовался особой популярностью, мне даже пришлось отдать часть центрального парка под постройку второго стадиона. Появились спортивные залы для военных, проводились дополнительные тренировки для гражданских, желавших улучшить свою физическую форму.

Позвольте мне описать «Сенар» до посадки и превращения его в прекрасный город. Тогда он занимал мало места: купол закрывал полувакуумный отсек, в котором хранился груз. Под куполом располагался парк дивной красоты: чудесные зеленые лужайки, белые мраморные дорожки, центральный канал, несший свои воды от фонтана к маленькому озерку и по подземным трубам протекавший обратно к фонтану. В воде лениво плавали карпы и форель, иногда поскверкивая своими розовыми брюшками на поверхности. Открытые полянки скрывались меж холмами. Деревья и кусты обещали прохладу, тишину и тайну. Имелось три эстрадных площадки и беговая дорожка.

Люди купались в реке, добродушно щекотали спокойных рыб. Гуляли с любимыми по парку, целовались в тени деревьев, слушали чтецов, сидели на лужайках. В центре этого Эдема возвышалась серебряная стела высотой в четыреста метров, державшаяся на тросах, прикрепленных к куполу. На самой ее верхушке сиял золотой шар, самое лучшее искусственное солнце, которое можно получить за деньги. Оно освещало наш маленький мирок, и люди грелись в его лучах. Рядом со светилом даже плавали искусственные облака игрушечных размеров, которые время от времени в соответствии с программой выплывали из специального устройства и отбрасывали тени на лежавший внизу парк. На закате свет рукотворного солнца постепенно становился красным, переходил в сумерки и совсем умирал, превращаясь в ночную мглу. На рассвете появлялись розово-жемчужные отблески, которые затем медленно перетекали в яркий блеск радостного дня.

Могу сказать без преувеличения, что мы потратили на эту красоту огромное количество денег.

Вокруг тщательно спланированного парка располагались жилые помещения – общежития для одиноких мужчин и женщин, апартаменты для женатых пар. Отдельные квартиры предоставлялись всем желающим принять соответствующий рабочий режим, но большинство незанятых людей предпочитали жить в общежитиях. Всего на корабле построили семь башен, одинаково просторных, полных жизни и ра-

достных гимнов, парящих в воздухе. Два главных барака находились на севере и юге соответственно (это, конечно, чисто условные точки на компасе, но они все же помогают ориентироваться). Позади каждого – тренировочные площадки: искусственный город из камня и бетона на юге и непроходимые джунгли на севере.

Ну и, наконец, самая важная постройка на корабле – комплекс правительственных зданий в западной части. Суд, парламент и гражданский центр. Судебные сессии проходили каждую неделю (не каждый день, как стало необходимо сейчас) – в основном для поддержания дисциплины, потому что преступления совершались очень редко и обычно на бытовой почве. Парламент открывал свои двери всем без исключения. Каждый гражданин имел право голоса. Возможно, из-за отсутствия настоящего занятия многие горожане принимали активное участие в работе правительства, посещали все совещания по поводу изменения законодательства или просто планирования каких-то проектов. На востоке размещались стоянки шаттлов, воздушные шлюзы и установки для погружения в транс.

Каждый предмет занимал только для него предназначенное место.

Совершенный город, Эдем.

Конечно, не обходилось и без несчастных случаев. В любом космическом путешествии, которое предполагает ограничение свободы человека на десятилетия, происходят по-

добные неприятности. К сожалению, и на нашем корабле время от времени кто-то терял рассудок и дело заканчивалось чьей-то смертью. Но эти единичные помешательства были лишь исключениями, в основном преобладало настроение решительной уверенности, глубокой радости божественной миссии, выпавшей на нашу долю.

Ни вы, ни ваши дети не примете участия в путешествии к звездам. Возможно, посчастливится вашим внукам или правнукам: это привилегия только одного из четырех-пяти поколений. Мы работали сообща, поддерживали функционирование инфраструктуры и внутреннего оборудования корабля, ухаживали за садами, конструировали необходимые машины. Мы молились, беседовали с друзьями и проводили время с любимыми людьми, занимались музыкой и спортом, слушали, как играют на инструментах друзья и супруги. Рождались дети, крепили связи, но не умирали от старости люди, не теряли свою молодость. Мы создали вечно юный, сильный Эдем.

Я действительно лучше знал пожелания народа, чем капитан. Он становился все более нелюдимым, запирался в апартаментах с ближайшими сподвижниками. Получалось, что только я и контактировал с гражданами: разговаривал с ними в парке, узнавал их мнение по различным вопросам, посещал открытые дебаты в парламенте, виделся с техниками. И чувствовал при этом, что исполняю свой долг. При моем участии вышло несколько передач о различных аспектах

функционирования корабля. У меня оказалось большее поле деятельности, чем у капитана, что вызывало недовольство у старших офицеров. Гражданские и мелкие военные чины знали, что могут обратиться ко мне напрямую, поделиться переживаниями, высказать свое мнение или же просто поговорить. Моя популярность действительно росла. Но кто-то из Совета Шести должен был заниматься общественными проблемами.

Конечно, я говорил об этом с капитаном, и не один раз, но мои слова ничего не изменили. Туриан стал странным, с причудами. Он вырезал страницы из Библии и составлял их обратно в случайном порядке, пытаясь прочитать в этих обрывках волю Бога.

Наверное, порядок, царивший на корабле, лишал его возможности исполнять капитанские обязанности в полной мере. Но это ни в коем случае не оправдывает его, скорее наоборот. Для настоящего вождя гораздо важнее выказать силу характера в спокойные времена, чем в напряженный момент. Любой может руководить при кризисе, к этому легко привыкаешь. Но поддерживать в себе смелость и решительность постоянно, не давать людям сбиться с верного пути – вот истинная задача настоящего лидера, сама суть его миссии.

Что было важнее для Моисея: провести евреев сквозь разошедшиеся соленые воды или поддерживать в них надежду и сплоченность во время скитаний? Когда прояви-

лась сила характера Наполеона [информация под индексом а %х '50Наполеон' не найдена, попробуйте продолжить поиск в другой базе данных, например «классическая историография»]: до или после Москвы? [информация под индексом а %х '60Москва' не найдена, попробуйте продолжить поиск в другой базе данных, например «классическая историография»]. Ответ заранее ясен.

В целом Туриан, казалось, был не способен понять нужды людей в мирное, спокойное время. Он, как многие лидеры, устал от благополучия своего народа и пытался внести какие-то изменения в жизнь сенарцев. Он собрал совет для обсуждения вопросов введения обязательного военного образования для всех детей, изменения иерархии продвижения на высшие должности офицеров, регулирования заключения браков. Естественно, мне пришлось выступать против его абсурдных предложений. Я только убеждал, что людям совсем не понравятся такие драконовские меры, и вовсе не хотел помешать капитану выдвигать законодательные проекты, что являлось его прямой обязанностью. Я лишь настаивал на представлении их парламенту, чтобы народ мог выразить свою волю. Капитан пытался сделать принятие законов своей привилегией. Это означало упразднение свободного волеизъявления.

Я помню, насколько тяжелой стала та парламентская сессия. Два старших лейтенанта втайне соглашались со мной, но, соблюдая этикет, вынуждены были встать на сторону ка-

питана. Еще один старший офицер, Ростер, громогласно заявлял о праве главнокомандующего делать все, что ему захочется. Двое воздержались. Чтобы продемонстрировать вам, насколько опустился Туриан, упомяну о его пренебрежении бритьем в тот день. Он был высоким, стройным мужчиной с обилием растительности на лице. У Туриана могла отрасти густая борода до самых глаз, не бреясь он дважды в день. Но на этом совете – напомним, это был совет старшего командного состава – его щеки покрывала щетина.

Обычно собрания совета происходят при открытых дверях, только дела государственной важности не предаются широкой огласке. Это справедливо, когда затрагиваются военные секреты но тогда обсуждалось благополучие общества, а результаты подобного совещания никак нельзя скрывать.

Я не собирался предавать народ и покинул здание парламента с твердым намерением сообщить людям правду. Тогда и состоялась моя знаменитая речь на футбольном поле. Вы, должно быть, читали ее или даже изучали в школе. Мне вовсе не льстит мысль, что дети учат мое выступление наизусть. В истории можно найти множество более достойных ораторов. Конечно, в реальности я и заикался, и проглатывал некоторые слова, но основную мысль речи записи передали совершенно точно: свобода выбора – прежде всего. Тяжело доставшаяся, надежно охраняемая свобода не должна становиться игрушкой в руках одного человека, как бы одарен и

знаменит он ни был.

Случай выдался подходящий: проходила игра за главный кубок между самыми именитыми футбольными командами. Почти все граждане собрались на стадионе: сердца распахнуты, а чувства взбудоражены великим событием. Я взял микрофон, потому что именно мне доверили открывать состязание. Мои слова вызвали рев одобрения. Естественно, Туриан тоже присутствовал на матче. Он встал, вне себя от бешенства, чтобы произнести ответную речь, а может, и объявить о моем аресте. Но такое развитие событий спровоцировало бы народную ярость, возможно, даже восстание. Поэтому, закончив говорить, я вызвал игроков на поле и объявил о начале игры.

Толпа криками подбадривала то одну, то другую команду, футболисты носились по полю, а капитан ничего не мог предпринять в подобной ситуации. Я увлеченно следил за ходом матча, но при этом спиной чувствовал на себе взгляд Туриана. Теперь он совершенно точно считал меня предателем, как будто лояльность к нему лично означала выполнение долга перед народом!

И все же я принял меры для своей безопасности после матча. На следующий день, когда меня пришли арестовывать, мои люди уже были наготове. Некоторые историки говорят о «Парковой Битве», но битвы как таковой не произошло (впоследствии я видел несколько действительно настоящих сражений). К сожалению, жертв избежать не удалось,

слишком многое мы поставили на карту. Предвидя возможность атаки, я поставил шесть лучших солдат на подходах к своим апартаментам, двоих — у дверей, а остальных разместил внутри помещения. Мы напали внезапно. Пятерых воинов Туриана убили на месте, пятерых ранили, остальные разбежались по аллеям. Я не отрицаю, что при дальнейшем преследовании противника пострадал мирный житель, однако иглу в него пустил один из людей Туриана.

После первого столкновения события разворачивались с невероятной скоростью. Туриан все больше терял контакт с реальностью. Он официально объявил меня предателем, человеком вне закона. Капитану очень хотелось видеть, как толпа линчует меня. Но его подвели собственные действия: все поняли, что он больше не может занимать высокий пост по состоянию умственного здоровья.

Преданный мне старший лейтенант собрал войска. Некоторые солдаты остались в бараках добровольно или по приказу осторожных командиров. Личная охрана Туриана и Гостера заняла здания правительственного комплекса и близлежащие дома на западе, а также технические сооружения на востоке. Я устроил базу в южных бараках и собрал своих солдат в центральном парке. Втягивать в войну гражданских не хотелось, у Туриана же на сей счет имелось собственное мнение. Он пытался устроить ловушку: если бы я следил и за откровенным противником, и за теми, кто сохранял нейтралитет, моя армия воевала бы на два фронта. Если бы я

сконцентрировался на какой-то одной опасности, то мог получить удар в спину. На борту имелась и тяжелая артиллерия, но, применив ее, мы рисковали повредить корпус корабля. К счастью, я взял под контроль воинские склады, чем исключил подобные прецеденты. Это дало мне и еще одно преимущество: на складах хранилось также продовольствие, а Туриан не мог обходиться без пищи.

В конце концов сам принцип дистанцирования от простого народа сыграл против капитана. Он действительно контролировал парламент, но, зная, что здание занято вражескими войсками, люди туда и близко не подходили. Я же спокойно встречался с мирными гражданами, подбадривал их, завоевывал доверие. В моих силах было расставить солдат в жилых районах на севере и северо-востоке для защиты населения.

Итак, я планировал атаку тщательно, стараясь свести к минимуму возможность разрушений на «Сенаре». И однажды в полдень погасил солнце. Под покровом темноты мои люди прорвались к восточным шлюзам; борьба вышла жестокой, но мы победили. Основная часть моих войск осталась на востоке, и я объявил о победе. Но изюминкой моего плана стала организация массовой гражданской демонстрации перед зданием парламента на западе. Туриан не мог предпринять контратаку, не пройдя через ряды невооруженных людей. Капитан, человек со слабой волей, не отдал бы приказ о массовом убийстве.

К тому времени, как снова зажгли солнце, я уже контролировал все, кроме западных зданий. С того момента ни у кого не возникало сомнений в нашей окончательной победе. Старшие офицеры, остававшиеся в бараках, присягнули мне в верности.

Двумя днями позже Туриан снял с себя полномочия. Я собирался придать его народному суду и, возможно, поместить в тюрьму до конца путешествия, но бывший капитан предпочел смерть и застрелился из иглопистолета.

Естественно, мне пришлось примерно наказать некоторых офицеров, но они хоть и поддерживали вражескую сторону, однако оставались только людьми, исполняющими приказы. Я лишил их высоких званий, но разрешил продолжить службу в армии после принятия присяги. А далее направил на работы по реставрации зданий, разрушенных ими же.

Таким образом Туриан продержался в ранге капитана всего немногим более трех месяцев: командование кораблем на протяжении всего столь долгого путешествия оказалось ему не по плечу.

Возможно, вам покажется странным, что я приказал похоронить тела людей, дравшихся против меня, со всеми подобающими почестями. Они считались врагами, но к борьбе с ними меня подталкивала только забота о пассажирах «Сенара». Солдаты всего лишь исполняли приказы высших офицеров, то есть выполняли свой долг. Чего еще можно требо-

вать от любого члена нашего общества, даже от меня?

Итак, останки завернули в военные саваны, родственникам назначили специальные пенсии, определили день официальной церемонии захоронения. Тела выпустили в открытый космос.

Не постыжусь признаться, что плакал при погребении. Слезы на глазах мужчины – знак его силы.

Следующий месяц стал нелегким, полным борьбы за восстановление гармонии на «Сенаре». Я организовал новую иерархию чинов, выдвинул определенные проекты, над которыми могли работать люди, назначил различные вознаграждения за усердие. Но беда пришла, как водится, откуда не ждали. Анархия на «Алсе» грозила крахом всей миссии.

Одна из их женщин потеряла рассудок от безысходности жизни на борту корабля. В припадке безумия она убила нескольких своих товарищей и украла шаттл, намереваясь причинить дальнейший ущерб всему флоту. Трудно сказать, что на самом деле пыталась сделать сумасшедшая: возможно, она хотела на полной скорости врезаться в другой корабль, пробить обшивку и убить всех, кто находился внутри. Или же женщина собиралась разрушить якорь и уменьшить наши шансы на успешную колонизацию иных миров. В жуткой решимости она сожгла двигатели, добиваясь до своей цели. Если бы ее не подвел аппарат, она наверняка причинила бы огромный ущерб всему флоту. Так что мы должны благодарить Бога за неполадки на шаттле.

И все же признаки надвигающейся катастрофы были налицо. Этот случай ясно давал понять, что социальная система алсиан не отвечает задаче, поставленной перед всеми нами. Конечно, я верю в право самоопределения каждого человека, и на планете индивидуальная свобода может принимать какие угодно формы. Но в хрупком мире сообщества межзвездных путешественников потакание собственным желаниям есть признак преступной слабости.

Благо народа должно быть превыше всего.

Я говорил с капитанами остальных кораблей, и они согласились с необходимостью вызвать главу «Алса» на общее собрание. Мы собирались выразить общее мнение по назревшей проблеме. Только сумасшедший не прислушался бы к решению большинства.

Я вызвал Петю Церелема. Во-первых, он являлся главным техником, руководившим швартовкой к комете, и, следовательно был самым известным алсианцем. Во-вторых, я уже имел с ним дело и полагал – ошибочно, впрочем, – что будет легче наладить контакт именно с этим человеком.

Петя появился и принес с собой что-то вроде мирного подношения, какие-то клетки с птицами. Думаю, даже он со своими извращенными социальными принципами и анархическими взглядами на чувства других людей стыдился поступка члена своей команды. Я в ответ подарил ему кое-какую продукцию нашей фабрики (у нас всегда производили самое современное программное обеспечение среди осталь-

ных десяти наций). Мы также принесли с собой несколько изысков из алкогольных запасов и даже не потребовали с него платы – проявление доброй воли, символ дружелюбного отношения.

Попытайтесь представить себе следующую сцену. Несмотря на все наши несчастья, на войну, подкосившую силы, мы не могли забывать о чистоте и личной гигиене. Сенарцы всегда славились своей опрятностью. А теперь вообразите немыслимую вонь, появившуюся вместе с Церелемом из воздушного шлюза. Его одежда представляла собой бесформенную мешанину грязной истертой ткани. Он побрил наголо голову, наверное, чтобы казаться устрашающим, однако отсутствие волос только придавало ему вид постоянно недоедающего человека. И этот смрад! Смесь резко пахнущего пота и грязи.

Мои офицеры хорошо вымуштрованы, и они смогли скрыть отвращение, но прибыть с дипломатической миссией, не приняв предварительно душ, это неслыханно! Представлять свой народ, издавая запах гниющего мяса! Мы снабдили алсианина мылом и шампунями, только они мало помогли делу. Мы также предоставили ему чистую одежду (бесплатно!). На все это он ничего не сказал. С его губ не слетело ни единого слова благодарности.

Он смел предложенное угощение, как будто на борту его корабля недоставало пищи и питья. Хотя, может, на самом деле так и было: алсиане не приучены к учету своих запасов.

Церелем хрюкал, фыркал и чавкал, в то время как мы пытались построить вежливый разговор. Все это напоминало визит слегка дрессированного орангутанга, а вовсе не человека.

Младшие офицеры теряли терпение, они все-таки военные, и кровь их горяча, как бы дисциплинированы они ни были, ребята чувствовали, что их и «Сенар» намеренно оскорбляют.

– Господин Церелем, – начал я. – Спасибо, что приняли наше угощение.

Я не пытался пристыдить его, просто напоминал о проявленной нами щедрости. Свежую еду и настоящий алкоголь нелегко хранить и перевозить на космическом корабле, их не выдают людям каждый день.

Он ничего не ответил. Благодарность чужда алсианской природе.

Я объявил общее решение флота относительно его команды, принятое на совещании, где представители «Алса» отсутствовали только потому, что у них не существовало командного состава и, следовательно, никто не держал связь по видеофону с капитанами. Он зарычал, приподняв верхнюю губу, как животное. На зубах виднелись пятна. Наверняка алсиане часто употребляли алкоголь – утверждают, что питье водки – часть их культуры! – и еще определенный вид растений, который жуют для появления наркотического эффекта. Возможно, Церелем находился под влиянием нарко-

тика в тот момент.

Я уверял его, что наш интерес вызван сочувствием к их проблемам, что мы не пытаемся вмешиваться во внутренние дела алсиан, но не можем спокойно смотреть, как подвергается опасности весь флот.

В ответ на это Петя закашлял или засмеялся, а может, и вообще залаял.

– Меня это не касается, – огрызнулся Церелем.

В этой фразе выразилась философия всех алсиан: общество не несет ответственности за действия индивида. Теперь вы, наверное, начинаете понимать, почему так трудно разгадать эту нацию, почему война между нами неизбежна.

Я пересказал решение совета. На «Алсе» надо создать правительство, ввести своего рода жесткую социальную структуру, чтобы предотвратить возможные потрясения в обществе. Петя никак не отреагировал, но я продолжал настаивать: оставалось всего несколько месяцев до окончания периода ускорения, а потом почти вся команда погрузится в транс и в управлении отпадет необходимость. Кроме того, сильное правительство поможет справиться с некоторыми проблемами. До нас доходили слухи о большом количестве суицидов на «Алсе» и об общем негативном настрое экипажа.

Казалось, последний аргумент поразил его.

– Допускаю, что именно из-за наличия строгой управлений системы у вас очень мало самоубийств, мало случаев ко-

рабельного сумасшествия, капитан, – признал он. – Но мы не признаем ограничений свободы.

– И не отступите от своего мнения, даже если на карту, будет поставлена ваша жизнь? Жизнь вашей команды, всего флота.

– Это ничто для меня.

Один из моих офицеров заметил, что дисциплина важна не только на корабле, но и при постройке города, цивилизации в новом мире. Церелем нахмурился, а затем, честное слово, начал ковырять в носу, как невоспитанный ребенок. Он поскреб бритый затылок с такой силой, как будто пытался разодрать его в кровь. Потом сплюнул на ладонь и – противно даже говорить – вытер ее о рукав.

– У вас нет души, – заявил он. – Вы не поймете.

Во всяком случае, никто из моих людей не стал бы подвергать опасности весь флот, как это сделали алсиане.

После этих слов Петя залпом осушил свой бокал и встал покачиваясь. Я попытался успокоить техника. Некоторые младшие офицеры еле сдерживались, чтобы не ударить его, и их можно понять, помня обо всех расчетливых оскорблениях, нанесенных «Сенару». И все же я постарался утихомирить Церелема, объясняя, что мы хотим только мирно долететь до места назначения.

Он стоял и смотрел на меня сверху вниз. Последовала неловкая пауза. Я решился использовать данную мне власть.

– Сядьте, техник, – проговорил я твердо, но не грубо.

Эффект получился поразительный: он повиновался как собака [информация под индексом а%х '1000собака' не найдена, попробуйте продолжить поиск в другой базе данных, например «классическая историография»], почти бездумно.

– Наш интерес к вашему кораблю вызван не только заботой обо всем флоте, – продолжил я. – Даже если вы сами не помните, то мы не забыли, что на борту «Алса» находится двадцать один сенарец – дети, зачатые от наших мужчин и удерживаемые вдали от дома.

– Не моя проблема, – упрямо повторил он.

– Возможно, вам это неинтересно, но мы заботимся о благополучии своих людей, – разозлился я. – Мы не бросаем товарища, тем более маленького ребенка, который не в состоянии позаботиться о себе. Мы настаиваем на следующем: во-первых, примите соответствующие меры против совершения дальнейших преступлений вашими не совсем здоровыми приятелями. Во-вторых, проследите, чтобы двадцать один ребенок благополучно достиг совершеннолетия и затем мог беспрепятственно вернуться домой. На «Сенар».

Петя, казалось, застрял на слове «преступления», которому не было места в алсианской концепции бытия. Он хмурился, тщетно пытаясь понять смысл. Вы видите, как мало внимания они уделяют Библии.

– Я также вынужден настаивать на том, чтобы отцам дали право навещать детей вплоть до периода погружения в транс, – продолжил я, – и после прибытия на планету.

Это предложение удивило его не меньше.

— Ваши люди могут видаться с детьми, если матери не против, я не могу решать за матерей.

— Мы должны создать орган, который бы сдерживал эгоистические побуждения матерей, если они начнут противиться... — начал было я, но по непонятным мне причинам Церелем вдруг вскочил на ноги.

Казалось, Петя пребывал в ярости.

Младшие офицеры подались вперед, чтобы не подпустить его ко мне, и он трусливо попятился. Я стоял на месте:

— В чем дело?

Вместо ответа техник плюнул на пол.

Некоторые говорят, я должен был заключить его в тюрьму на «Сенаре» за оскорбление, а позже использовать как заложника в переговорах с «Алсом». Но вряд ли такой ход возымел бы действие, он противоречит природе алсиан. Каждый заботится только о себе, никого не волнует потеря товарища. Может, мне все же и следовало задержать его. Знай я тогда все наперед, незамедлительно так и поступил бы, избавив всех от больших неприятностей.

Больших неприятностей, именно так.

2. ЛЕВ И ЛИСИЦА

ПЕТЯ

В нашем мире мало разнообразия. В основном соляная пустыня с несколькими одиночными скалами и единственными на всей территории настоящими горами (Себастиийскими), закрывающими нас от ветра. Есть три маленьких моря. Перед отлетом с Земли мы получили спектрографические данные, согласно которым Соль изобиловала водой, но приборы ошибались. Жидкость обещала в конце концов заменить собой деньги, что противоречит всему нашему жизненному опыту. Но лишения заставят изменить все, даже привычки.

Трудно сказать, были ли наши сведения неверны или же за пятьдесят лет запасы воды по каким-то причинам резко сократились. Я слышал истории о фальсификации данных правительством, которое не хотело отменять наш полет. Всякое бывает. Жизнь здесь научила меня не возмущаться, хотя я и до путешествия не нервничал по пустякам. И в запустении можно найти прекрасное.

А наш мир оказался образцом красоты. Серебряно-соляной драгоценный камень божественного творения. Дымка,

лениво выющаяся перед зеркалом в три часа утра. Даже если вы знаете, что она токсична и опасна для здоровья, даже если уже очень поздно и вы сильно устали, даже если вы умираете от слабости после длинного разговора – все равно вас внезапно поразит эта исключительная красота. Так человек смотрит на то, как утекает из его жил кровь, и любитесь солнечным лучом, сияющим в совершенстве блестящего красного озера. Такова зеленая клаустрофобия земных оазисов, стоячая вода и тяжелый влажный воздух, жужжащие насекомые и пот – это отвратительно и одновременно прекрасно, как символ плодородия.

Такова широта пустыни, сверкающей на солнце, которое иссушает и убивает тебя. Пустота и одиночество. Все это и есть красота.

Мое мнение расходится с мечтаниями молодого поколения. Они спешат изменить мир, оживить растениями его мертвый лик. Это благородное желание, но я умру прежде, чем оно исполнится – если исполнится вообще, – и даже рад этому. И поймите меня правильно. Ведь может так случиться, что человек, оказавшись на чужой планете и увидев на ней белую пустыню до горизонта, в первый раз почувствует себя дома.

Мы появились на орбите – огромная процессия странных кораблей с другой звезды. Мы праздновали прибытие три дня и три ночи, и в разгар веселья люди не выдерживали, брали шаттлы и спускались на поверхность, чтобы танцевать

на берегу Арадийского моря, в клубах соли, с масками на лицах. Они возвращались с воспаленными от хлора глазами, и тем не менее им завидовали. Я сам летал вниз и бродил там полтора часа в респираторе и защитных очках – от лениво текущей воды к высочайшему пику горной цепи. Шел к светлому востоку нового дня, к радуге солнца в утреннем воздухе.

Нетерпение толкнуло экипаж «Алса» раньше всех кораблей сесть у берега моря. Здесь лежал мир, выбравший нас. У этой планеты никогда не было луны, мы – то есть наш флот – привезли ей сразу три. Комета, в сущности, та же луна, потерявшая немного своей плоти из-за двенадцати углублений для креплений – словно двенадцать ссадин. Она оборачивалась вокруг планеты, и иногда утром можно было мельком увидеть сияющий шар, парящий низко в небе. Еще на орбите плавали якорь и глыба атомарного кислорода.

Три луны.

На Соли почти не существовало жизни – то есть никакой биологически активной, только некоторые виды растений либо скрывались в горах, либо инертно плавали в озерах. Через какое-то время мы взялись за решение первоочередных задач: удаление хлора из воздуха и наполнение атмосферы кислородом, вычленение воды и введение новых элементов. Мы принесли собственную жизнь, адаптировали ее и начали колонизацию. Мы принесли наш мир. Добавили душу, самое ценное творение Бога.

Мы, духи Адама.

Творения утренней и вечерней звезд. Мы спустились с неба в огне, балансируя на копье окисленной ракеты, медленно коснулись земли. Шаттл, наполненный материей и душой.

БАРЛЕЙ

История Соли начинается со дня приземления, но многие из нас побывали на планете до того, как «Сенар» опустился на поверхность своего нового дома. В первые месяцы после прибытия, когда мы еще находились на орбите, у меня появилось очень много дел. Задача, стоявшая перед нами, казалась непосильной, но именно такие недостижимые цели и позволяют людям проявить свою силу. Человечество всегда будет отвечать на вызов истории и преодолевать препятствия – с уверенностью в том, что Правда и Бог на его стороне.

Планета оказалась не такой гостеприимной, как мы рассчитывали. Наши предварительные данные обещали большое количество воды. Это типичная проблема звездной колонизации, и если вы или ваши дети собираетесь поймать комету и полететь к иным мирам, помните – все данные, полученные до полета, заведомо устарели. Информация пробивалась к нам двадцать лет, и прошло еще сорок, пока мы добивались к Соли.

Мораль: будь готов приспособливаться.

Вы должны играть по нотам, написанным Богом, играть с листа, если понадобится. Неужели вы думаете, что кому-то позволят мычать и бормотать на суде перед ликом Творца после смерти? Нет, вы должны пропеть о своей жизни, о том, как исполнили моральный долг. Вы должны превратить свою жизнь в музыку, в хвалебный гимн Богу. Соль была нашей симфонией.

Недостаток влаги не представлял большой проблемы. На планете есть три источника воды, и хотя они содержат неимоверное количество соли, их легко опреснить. Конечно, озера не глубоки, не широки, но они есть... и были больше, чем сейчас, в день нашего приезда. Более того, мы привезли с собой огромный шар замороженной воды в виде кометы, протащившей нас к этому миру. Какую-то часть глыбы уже использовали, но оставалось еще несколько сотен тысяч тонн. Во внутренней системе космическая активность низкая, но как только ситуация обострится, всегда можно снарядить экспедицию на отдаленные орбиты, чтобы подобрать один из огромного количества летающих там ледяных осколков.

Итак, меня не сильно беспокоил недостаток воды в нашем новом мире. Именно так говорил я тогда, как будто планета была домом, а вода – всего лишь трубами, которые надо установить; такая трактовка поднимает моральный дух.

Больше забот приносила атмосфера. Концентрация хло-

ра в ней превышала все допустимые нормы, присутствовали еще две-три ядовитых примеси, остальное составлял коктейль из инертных газов и пятидесяти процентов азота. Ученые нашли лишь слабые следы кислорода. Мы надеялись на лучшее – по крайней мере на то, что здесь окажется достаточное количество воды, из которой можно выделить собственный кислород.

Вначале казалось, что газ, который мы привезли с собой с Земли (точнее, с Юпитера), не изменит общего состава атмосферы. Но потом обнаружилось некоторое количество замороженных окисей под Южным Полюсом, защищенных от солнца слоем соляного льда. Из них можно добывать кислород. Шар из атомарного кислорода мы сняли с орбиты и направили в атмосферу.

Какое это было зрелище! Я видел записи с орбиты, на которых огромная огненная сфера, полыхающая как фейерверк, оборачивается вокруг планеты и сдувается по пути, оставляя за собой хвост газа [информация под индексом а %х '9705фейерверк' не найдена, попробуйте продолжить поиск в другой базе данных, например «классическая историография»].

Но мне не надо полагаться на фильмы, как вам сейчас, молодые люди. Я видел все своими глазами.

«Сенар» тогда находился на орбите, но мы уже установили рабочую базу в два шаттла на восточном берегу Галилеи, и я предпочел наблюдать оттуда. Это было поразительно: колес-

ница из огня и пара мчалась быстрее звука на север, вдоль экватора. Когда она скрылась за горизонтом на западе, загрохотала остаточная звуковая волна, как будто колоссальный кусок материи разорвали перед храмом Господа. Мы с нетерпением ждали, и шар снова появился в небе, уже гораздо ближе к поверхности. Потом врезался на севере за горизонтом в скалы. Место падения оказалось, как и планировали, между Галилеей и Персидским морем. Некоторые из моих людей отправились туда, а потом рассказывали, что среди клубов леска, поднятых взрывом, могли дышать без масок.

Никогда не забывайте о прошлом, дети мои! Помните о том, что первыми мужчиной и женщиной, почувствовавшими настоящий воздух Соли, стали сенарцы.

Проникновение всей массы кислорода в состав атмосферы заняло несколько месяцев. А высвобождение необходимых элементов из обнаруженных окисей – целый год. Но задолго до окончания работ концентрация живительного газа в воздухе поднялась до пятнадцати – шестнадцати процентов, что делало его вполне пригодным для дыхания. Атмосферное давление увеличилось. Теперь мы больше занимались уничтожением хлора и других токсинов.

Трудность состояла в том, что все одиннадцать наций расположились в основном около трех великих озер: Галилеи, Персидского и Белого морей. Те, кто не сел прямо на побережье, установили лагеря поблизости от воды, чтобы не особенно тратиться на проведение трубопроводов. После посад-

ки «Сенара» мы потратили основную часть энергии на постройку заводов для опреснения земли.

Соль была везде – в воде, во впадинах, в воздухе. Над озерами плавал зеленовато-желтый туман из паров хлора. Но мой народ и люди с других кораблей провели десятилетия взаперти, в больших коробках. Мы не могли притворяться, что путешествие еще продолжается, не могли прятаться от места, в которое прибыли. Хотелось выйти наружу. Желание ломать оковы у нас в крови.

Самсон в башне.

Перед нами стояло две задачи. Первая: примерно на месяц переориентировать фабрики на производство «обратителей» (это буи-катализаторы, которые с помощью энергии солнца превращают хлор в твердые кирпичи хлористого пластика). Мы запустили сотни таких детоксификаторов в спокойные воды Галилеи. Остальные галилейские нации (еще молодые, не те великие народы, в которые они выросли, но уже несущие в себе огромный потенциал развития), так вот, говорю я, остальные нации побережья, Элевполис, Йаред, Новая Флоренция и Вавилон, тоже внесли свой вклад в осуществление проекта. Они не располагали нашими технологиями, но, например, в Новой Флоренции создали солнечный катализатор-скиталец, который «бродил» по пустыне и впадинам, выполняя ту же работу, что и наши буи. Наверняка на севере тоже боролись с природой. Но очищение окружающей среды от ядовитых веществ – довольно длительный

процесс, мы могли увидеть первые результаты лишь через десятилетия.

И вторая задача: изменение самих себя. Необходимость приспособиться. Если Моисей не идет в пустыню, то пустыня идет к Моисею – моя бабушка особенно любила эту поговорку. Методики, которые мы использовали, сейчас безнадежно устарели, но тогда они считались последним словом техники. У человека под наркозом удаляли все из носовых пазух и осторожно вживляли специально выращенные фильтры. Органическая субстанция, выделенная из кораллов – вы наверняка не знаете, что это такое, но можете поискать в исторической литературе, если заинтересуетесь, – задерживала хлор. Она действовала наподобие слизистой оболочки, хлор выводился из организма через носовые ходы. Самоочищающаяся пожизненная маска.

Вы спросите, чем нас не устраивали обычные приспособления? Неужели так трудно иногда надевать респиратор? Сейчас, благодаря нам, вы можете дышать нефiltroванным воздухом планеты и не понимаете, как раздражает маска. Ее края натирают кожу, появляются ранки, заносится инфекция. Это неудобно; это мешает. И конечно, это опасно: респиратор может свалиться; дома вы его не надеваете, а вдруг разобьется окно? А хуже всего то, что подобные приборы напоминают о чуждости этого мира, о нашем заключении здесь.

Само собой разумеется, алсиане только посмеялись над

нашими аппаратами. Анархисты боятся новых технологий. Их пропаганда выставляла нас людьми с вечно мокрыми носами. Они не понимали, что слизь выделялась только при контакте с хлором, а на этот случай у каждого цивилизованного человека имеется платок. По правде говоря, у некоторых сенарцев имплантат вызвал аллергию и, соответственно, постоянный насморк. Но основная часть населения с такой проблемой не столкнулась. Я сам не испытывал никакого дискомфорта – позже фильтр удалили.

Мою первую прогулку на открытом воздухе транслировали на весь Сенар. Я вставил контактные линзы и надел прибор, который не дает вдыхать через рот – удивительно легко забывается необходимость дышать только носом, а легких, полных хлора, не пожелаешь и врагу. Потом вышел из воздушного шлюза на кристально-соляной пляж. Прогуляться к воде, почувствовать дуновение ветра, глубоко вдохнуть (только носом) воздух нашего мира! Смотреть, как все еще белое солнце садится за горизонт, как появляются длинные темные тени. Я бы долго стоял там, но опускались сумерки, приближалось время Дьявольского Шепота.

Вы, наверное, видели картины, на которых я люблю Галилею и солнцем, которое краешком касается горизонта, а собравшаяся толпа наблюдает за мной. Люди хотели даже поместить изображение этой сцены на банкноты, но я запретил. Было бы слишком нескромно с моей стороны позволять такое. Но репродукций осталось довольно много, есть и мо-

заика в зале предварительных совещаний, собранная из разных по цвету кусочков соли.

ПЕТЯ

Мы решили проблему с хлором с помощью мини-маски. Это была интересная штучка. Вы постоянно носите ее на шее, но как только искусственный мозг регистрирует опасную концентрацию хлора, в ту же секунду она прыгает вам на лицо. Как живая. Как лосось, земная рыба, которая, играя, выпрыгивает из воды. Сигнал воспринимает мельчайшее устройство, вживленное в зуб, подает – маска. Правда, надо постоянно дышать только ртом, но к этому постепенно привыкаешь. Потом вы не спеша достаете и надеваете носовые фильтры. Хлор в носу совершенно не нужен. Он раздражает чувствительную поверхность носоглотки.

БАРЛЕЙ

Я не удивился, когда алсиане без всяких угрызений совести оттяпали большой кусок земли к востоку от Персидского моря. Конечно, в протоколах соглашений, которые мы подписывали перед путешествием, ничего не говорилось о

способе раздела территорий между нациями. Хотя договор предусматривал равный доступ каждого народа к воде, пахотной земле, минеральным ресурсам и так далее. Но по прибытии на планету на общем совете постановили оставить все корабли на орбите до распределения земель. Я согласился проводить совещания на «Сенаре».

Но алсиане, и Церелем в особенности, плевать хотели на демократию. Они просто посадили корабль на то самое место, где сейчас находится их государство, и даже не удосужились проинформировать о своих действиях остальных капитанов.

Вспоминаю тот день: рано утром меня разбудил личный секретарь, и через некоторое время я уже спешил в капитанскую рубку, чтобы увидеть, как «Алс» уродует атмосферу красными и пурпурными сполохами своего прибытия. Было уже слишком поздно их останавливать.

Сегодня, зная о наиболее выгодном местоположении сенарцев – наш город стоит на плодородных землях восточного побережья Галилеи, – наверное, трудно понять, почему маневр алсиан вызвал такой гнев. Но подумайте сами. При относительном географическом однообразии на Соли в основном преобладает штормовая погода. В северном полушарии обычно дует западный ветер, а Алс расположен за Самсоновыми горами (Себастьянскими, как они их называют), которые представляют собой природный заслон. Однако в южном полушарии ветра приходят в основном с востока. С этой

стороны от Сенара вплоть до моря Де Моргана тогда не было ничего, кроме тысяч километров соляной пустыни. Часто погода выдавалась спокойная, но редкие ураганы свирепствовали по-настоящему.

Два раза в день случался ужасный ветер, который на Земле называли бы тайфуном [информация под индексом a%х '160тайфун' не найдена, попробуйте продолжить поиск в другой базе данных, например «словарь устаревших слов»]. Первый начинался перед заходом солнца, холодный ночной ветерок превращался в завывающий вихрь, который не утихал около часа. Затем, на рассвете, приходил второй, менее свирепый, но тоже небезопасный. Пустынный ветер гораздо хуже того, что дует от воды.

Как вы знаете, Галилея перенасыщена солью, которая оседает на дно, прилетая с ветром. Это одна из причин обмеления моря. Но в открытой пустыне, в самом сухом на свете месте, ураган разбивает и без того мелкие крупинки соли на микроскопические частички, которые могут состоять всего из нескольких атомов. Они сдуваются с утесов, служащих каменными наковальнями для жужжащего ветра, и летят компактным роем. Сверкающий поющий буран, который выглядит как дым и ощущается как укусы миллиона насекомых. Восточный ветер ослепляет, заставляет кожу кровоточить от бесчисленного количества мелких ранок. Он издает шипящий звук, скользя по земле. За месяцы ветер пожирает оставленные на его пути тела умерших, а таковые попада-

лись (однако не буду забегать вперед). Этот ветер известен под названием Дьявольский Шепот.

Мы очень быстро научились оставаться дома на рассвете, прятаться на час, как только солнце исчезает за горизонтом. Но непогода наносила громадный ущерб оборудованию. Детали машин были забиты солью. Пластиковые окна покрывались многочисленными царапинами, превращались в мутные серые мембраны, сиявшие всеми цветами радуги.

И мы построили Великую Дамбу. Официально она называется «Дамбой Барлея», но мне неуютно от такой чести. А первое название как раз дает представление о том, что это за постройка – настоящее достижение техники фараоновских масштабов, массивное и прекрасное.

Мы разрыли землю в километре от нашего поселения; к счастью, из-за суровых ветров слой соли здесь оказался гораздо тоньше, чем в любом другом месте, и нам не пришлось долго докапываться до каменистого материка. Затем вырезали огромные куски кварца и соляного камня, перевезли на шаттле к месту строительства великой стены и поставили на невысокий фундамент. Далее вырыли в соляном массиве рвы с западной и восточной сторон. В конце концов мы закрепили все: на восточном профиле с помощью соляных глыб, создав что-то наподобие утеса, и слоем земли, с западной стороны – с соляной травой на ней.

Проект стал самым дорогостоящим предприятием в довоенный период. Чтобы оплачивать расходы, мы придумали

специальный налог, который сенарцы восприняли без единого возражения. Денежный вклад вносили и другие галилейские нации, ставшие союзниками нашей могучей державы. Я пожертвовал миллион из собственного кармана.

Постройка Дамбы ознаменовала спад активности восточных ветров.

Если честно, то в течение года после окончания строительства наше положение не сильно улучшилось. Аэродинамические характеристики заслона оставляли желать лучшего, и в два сезона из трех ветра могли преодолеть преграду. Воздушные потоки пригибало к земле, но они все равно с жуткими завываниями носились по нашим владениям.

Кроме того, природное прикрытие в виде соляной травы оказалось не самой хорошей идеей. Растения росли очень быстро, но получались ломкими и тонкими. Как только стебель достигал длины в полпальца, его тут же вырывало из земли и несло в направлении к городу. К нам. Знаете, какие острые листья у соляной травы? А теперь представьте торнадо, доверху заполненный ими.

Травинки придавали Дьявольскому Шепоту рычащие ноты. Нам пришлось установить на пути ветра глыбы кварца, добытые и перевезенные с большим трудом. Биологи пытались вывести новые растения из привезенных с Земли или местных семян. Получилось что-то вроде соляного бамбука, высокого, но тонкого, легко вырываемого ветром. Еще были кусты и водоросли, которые росли между кусками шпата. И

наконец, более приспособленный к жизни вид соляной травы.

Но что нам эти мелкие проблемы?! Дамба стала символом! Это был гимн Богу из соли и камня, доказательство нашей способности преобразовывать мир.

Как мы строили! Иногда мне кажется, что ни одна нация, даже наша, больше не сможет вложить в работу столько энергии, сколько вкладывали сенарцы в первые годы после прибытия в новый мир.

Мы разобрали половину корабля, стоявшего на берегу Галилеи, оставив только центральный купол, который служил и напоминанием о грандиозном межзвездном путешествии, и защитой от космической радиации – благодаря своему двойному покрытию, заполненному фторированной водой.

Новое солнце светило ярче, чем земное, и выделяло больше опасного для жизни излучения, которое не могла задержать бедная атмосфера Соли. Кабины превратили в госпиталь и учреждения для детей, которые в первую очередь нуждались в защите от радиации. Там же располагались три больницы, действовавшие даже в те непростые времена. Одна из них представляла собой стандартное медицинское отделение для богатых клиентов, но две других, построенных на деньги землян, слишком старых для полета, брали с больных чисто символическую плату. Я еще тогда гордился самым высоким на всей Соли уровнем медицинского обслуживания и дошкольного образования на Сенаре. Нас до сих пор

не обогнала ни одна нация, несмотря на то, что многие государства развиваются довольно быстрыми темпами, несмотря даже на идущую войну. Типовые дома, разместившиеся вокруг центрального купола, знакомы вам по историческим видеозаписям. Тяжелые строения из камня с плоскими крышами. Они выглядели примитивно, но укрыть от непогоды и радиации могли.

Все постройки принадлежали государству и давались людям на двадцать лет в аренду. После истечения данного срока они переходили в собственность жильцов и их потомков. Такой порядок помогал не спеша выбрать место для проживания, не связывая себя до поры до времени никакими обязательствами. И народ начал строить собственные дома.

Люди могли добыть соляной камень сами или нанять кого-то сделать это за сравнительно небольшую плату: минерал лежит близко к поверхности, почти сразу под слоем соли. Итак, они строили стены из камня, прикидывали примерные планы квартиры. Но залежи кварца находятся глубоко в гранитной сердцевине нашего мира. Его трудно откопать самому. И в этом случае отдельный человек может только полагаться на помощь общины.

Я выделил один из корабельных шаттлов для транспортировки строительных материалов с востока и разработал схему, по которой жители могли платить за доставку деньгами или выполнением общественных работ. Шестиметровые глыбы переносили и аккуратно устанавливали на гото-

вый фундамент. Я знаю все об этой процедуре, потому что тоже строил свой дом сам. Мой план осуществился блестяще: граждане получили жилища, а общество – множество рабочих рук. Так мы построили Главную Автостраду Северного Побережья – по крайней мере первые пятьдесят ее километров.

Новое место становится для человека домом только тогда, когда там появляется жилье, очаг. Как главе правительства, мне полагалось помещение под центральным куполом, но оставаться там постоянно не хотелось. Иначе создавалось впечатление, будто я прячусь от радиации под двойной крышей, в то время как мои люди не боятся жить вне той защиты, которую давал корабль. Хуже того, меня практически приравнивали бы к слабым, больным и детям, что не прибавляло политической популярности.

Поэтому я выбрал местечко на возвышенном плато, в пяти метрах над уровнем моря, с видом на Галилею. Вражеская пропаганда утверждает, будто мне понадобилось выселить оттуда две семьи, чтобы освободить площадь, но это неправда: люди с радостью уступили землю президенту. Я нанял около полудюжины рабочих и на самом деле долго уговаривал их принять деньги за свою работу, так как они хотели строить бесплатно. Но люди все же согласились взять плату после приведения цитаты из Библии: рабочий должен быть достоин нанимателя.

Мы вместе возвели стены из соляного камня, наметили

спальню, кухню, столовую, приемную, гостиную, кабинет, чулан и ванную. Затем прилетел шаттл с каменной глыбой для крыши на тросе. Не могу описать, насколько приятно слышать финальное «бум», возвещающее о соприкосновении кварца с соляной глыбой.

В моем первом доме я провел свои самые счастливые годы. Возможно, внутри немного не хватало света, но темноты нельзя избежать, спасаясь от радиации. Окон делали мало, потолок казался ниже, чем был на самом деле. Зимой становилось очень холодно. И все же у меня сохранились только хорошие воспоминания об этом жилище. Отсюда я управлял строительством города, а вечером сидел на балконе, наблюдал, как солнце уходит за Галилею, и беседовал со своими советниками или потягивал травяной чай с добрыми друзьями, обыкновенными горожанами.

Беседы. Божественная красота. Кто-то играет на пианино, которое стоит у окна, выходящего на балкон... Это было время спокойствия и умиротворения.

Но покой приносит удовольствие только тогда, когда приходит после периода тяжелой работы. А как мы работали!...

В парламенте проходили дебаты по поводу утверждения плана города. Споры выходили жаркими. И именитые архитекторы, и простые граждане предлагали множество проектов. Большинство склонялось к принятию варианта крестообразной планировки, с улицами, направленными в четыре стороны света. Боюсь, не очень практично разбрасывать зда-

ния на большие расстояния.

Некоторые пытались воплотить какие-то идеи, навеянные музыкой, кто-то предлагал домами, как мозаикой, выложить на земле Орла или лик святого Иоанна. Натуры математического склада предпочитали решетки или круги из улиц. Я поговорил советниками и сократил список до шести проектов, которые затем и защищали в парламенте их создатели.

Никогда еще ни по одному из вопросов наши граждане так активно не голосовали! Дебаты шли три дня, и каждый раз мне приходилось прерывать их буквально на середине спора.

Когда определились с планом города, началось строительство. Люди работали круглые сутки, выкраивая для сна несколько часов перед рассветом. Никто не ленился. Подростки, которые не могли пойти в школу, потому что школ еще не существовало, помогали строить свои будущие классы. Работали даже беременные женщины. Больные участвовали в процессе, лежа на больничных койках и создавая чертежи зданий. Работа прекращалась только в воскресенье утром, когда люди собирались и вместе молились на открытом воздухе, а потом и в первых церквях.

Мы строили дома и насыпали между ними соль, получая дороги. Люди очищали свои огороды от верхнего слоя соли, клали в освободившееся пространство лист пластика, а на него – органические отходы и остатки водорослей с берегов Галилеи. Получалась отвратительно пахнувшая масса, но

именно из нее образовалась первая почва, на которой можно выращивать земные растения.

Мы начали производить велосипеды, продавали их по смешным ценам, и улицы заполнились людьми, едущими на работу или домой. Вдоль дорог вырастали здания. Каждый день появлялся новый шаттл с очередным куском кварца с востока. Все занимались делом. И хотя на лицах граждан читалась усталость, напряжение, истощение, мы все чувствовали в себе энергию юности, как истинно молодая нация.

Происходили стихийные концерты. Женщины с гитарами и мужчины с трубами вдруг начинали играть посреди улицы. Собиралась толпа. Люди разговаривали, смеялись, наслаждались музыкой. Или же вдруг по сети распространится слух о квартете, который собирается выступить в таком-то доме, или о детском хоре, репетирующем под куполом. И люди выкраивали полчасика свободного времени, чтобы послушать музыку.

Музыка – душа математики, сказал кто-то из великих, а работа и есть математика; расчеты затрат энергии, технология и наука, геометрия построения, топография в планах города. И граждане пели, воплощая божественный замысел. Музыка доносилась из наполовину законченных домов, офисных зданий без крыш, из парков. Молитвы.

В первый месяц я занимался разработкой структуры правительства – это ведь тоже своего рода здание. Но я еще и путешествовал, многократно посещал место возведения дам-

бы и часто помогал рабочим не только морально, но и физически. И куда бы я ни приехал, везде меня встречали счастливые лица – радостные женщины, отирающие пот с лица, уставшие мужчины, смеющиеся в ответ на мои шутки.

Я посещал лечебные учреждения, виделся с больными и увечными. В основном это были слишком беспечные люди, которые из-за несоблюдения техники безопасности и пострадали от радиационного излучения. Ожоги, облысение, катаракты... но даже в обители страдания присутствовала радость. Люди со слезами счастья на глазах хватили меня за руки, несмотря на облезающую под бинтами кожу.

Мне особенно запомнилось время молитвы в одной из палат. Одна женщина пела громче всех, потом врачи рассказали, что до моего визита она даже не могла оторвать голову от подушки. К концу того дня бедняжка умерла. Ее настойчивость лишний раз доказала, насколько дух может быть сильнее тела.

Через месяц после приземления «Сенара» я предпринял свое первое путешествие через Галилею. Впоследствии было еще много таких поездок, но мне запомнилась именно эта.

Вначале мы посетили Йаред, на северном побережье, город самой близкой и дорогой нам нации. Официально я отправился туда для участия в переговорах по поводу Главной Автостреды Северного Побережья, но на самом деле мы больше веселились, праздновали встречу и обменивались подарками.

Каждый вечер нас ожидал банкет, мне показывали планы будущего города. Земля в Йареде неплодородна, на севере нет даже водорослей, которые в изобилии произрастают около Сенара. Поэтому эта нация заселила побережье Галилеи, поближе к воде, дающей жизнь. Ни одно из зданий не удалялось от моря дальше, чем на несколько сотен метров. Йаредцы могли похвастаться собственными маленькими садами: не парой слабых цветочков в наскоро созданной земле, а отгороженными участками опресненного моря с лилиями и какими-то растениями с большими листьями, среди которых плавали угри и корюшка.

Я видел много усадеб, встречался с людьми. По телевизору транслировали мою встречу с президентом Аль-Себодом, на которой мы подписали договор о согласии, который ни разу не нарушался в последующие годы, даже во время войны.

Конечно, Йаред слабее нашей нации, и большинство даров, которые мы увозили оттуда, имели чисто символический характер. Йаредские произведения искусства, конечно, изумительны, но не могут принести практической пользы, тогда как продукцию сенарской фабрики можно использовать с толком здесь и сейчас. И хотя злопыхатели иногда обвиняют меня в том, что мы совершенно напрасно поддерживаем отношения с нищей нацией, я полагаю, что польза не всегда измеряется в деньгах. Йаредцы всегда оставались нашими союзниками, и, возможно, именно потому, что чув-

ствовали себя в долгу перед сенарцами.

Некоторые особенно вспыльчивые йаредцы не признавали господство Сенара на побережье Галилеи, но большинство понимало необходимость гармоничного функционирующего единого правительства. В конце концов, мы молимся одному Богу, чего не скажешь об анархистах алсианах, которые, похоже, не признают ничего, кроме индивидуализма, смахивающего на чистый атеизм.

После посещения Йареда мы пересекли море и попали в Элевполис. Я все еще помню, как прижимался лицом к иллюминатору, пытаюсь уловить сверкание тысяч солнечных зайчиков на волнах похожего на расплавленную платину моря. Эта нация переживала не лучшие времена, обилие проблем ослабляло радость прибытия на планету.

Не буду подробно останавливаться на трудном периоде их истории, рискуя опорочить в ваших глазах прекрасный народ. Скажу только, что не стал долго там останавливаться, соблюдая политическую корректность. Тогда Элевполис пребывал в плачевном состоянии: сторонам, выяснявшим отношения, было не до строительства.

Сейчас положение явно улучшилось. Среди молодежи эта страна даже приобрела популярность как самое модное место отдыха. Но вначале элевполийцы только и делали, что препирались, спорили и дрались между собой. Люди дорого заплатили за отсутствие сильного лидера. Палатки хороши только как временное жилье, они не защищают от радиации.

В страну пришли смерть и болезни. И вместо того, чтобы общими усилиями бороться против напасти, люди перессорились еще больше. Вам известно из истории, насколько высока была смертность в первые десятилетия истории Элевполиса.

Я подписал мирное соглашение с главой местного правительства, но его скорее всего свергли через день после моего отъезда.

Затем мы направились на юго-запад к холмам Ганта, где обитали вавилоняне. Их общество оказалось более крепким. Народ решил не строить дома на побережье, а вырыть что-то вроде пещер. Одними из первых общественных работ стали общие усилия по сооружению огромной водопроводной линии от Галилеи к городу, с насосами, работающими на энергии солнца. В холмах и дома легче строить, и к тому же там растет определенный сорт соляной травы, не такой острой и бесполезной, как ее восточный вид. Мы попытались пересадить эту траву на свою землю – предоставив вавилонянам за саженцы технику с нашей фабрики, – но при ветренном климате она не прижилась.

Город Вавилон располагался в центре широкой извивающейся долины. Трубопровод поставлял воду в бассейн, откуда она текла вверх по склону (при помощи хитро спрятанных насосов), протекая по руслу пересохшей реки в дальний конец долины. Довольно странно видеть, как ручей течет снизу вверх! Я сидел там при свете дня, промокая шелковым плат-

ком лицо, взмокшее от жары. Президент Вавилона объяснял мне, как они создали поток – «Воскрешение Мертвой Планеты», так называли проект. Действительно, чудесно сидеть на пороге элегантной вавилонской пещеры-дома и смотреть на луга, покрытые соляной травой, и на реку, сверкающую на солнце. Некоторые называли ее Вавилонским каналом, так как она все-таки создана руками человека, но русло реки было природным, а значит, и называть все это великолепие каналом не годится.

Уладив дела с Вавилоном, я направился на запад в Лантерн. Это странное государство состоит всего из трех семей, и каждый гражданин является членом того или иного рода. Из-за постоянного кровосмешения люди страдают от огромного количества врожденных дефектов и уродств. Да и молодое поколение лантернян наверняка не очень хорошо себя чувствует в таком замкнутом обществе. Многие оставляют дом и семью, перебираясь в другие страны.

Понятно, что более гостеприимной нации, чем сенарцы, вы нигде не найдете. Остальные или не приемлют иммиграцию в любой форме, или пускают только определенных переселенцев. Мы же рады любому иммигранту, который приносит деньги – или их эквивалент в виде профессиональных знаний и трудолюбия – и готов работать наравне со всеми. За несколько лет нашлась пара тысяч смельчаков, которые через Новую Флоренцию доплыли по морю до Йареда, чтобы на Главной Автостраде поймать попутку в Сенар. Неко-

которые весь путь проделали в самодельных лодках. Безрассудный поступок, конечно, но он в очередной раз доказывает, насколько совершенна и притягательна наша нация.

Нам завидует весь мир, дети мои! Не грех гордиться своей страной. В конце концов, сам Бог захотел сотворить нас такими, какие мы есть.

С подписанием последнего договора, которое сопровождалось празднеством по всему побережью Галилеи, окончательно сформировался Южный Альянс, с Сенаром во главе. Тогда я и предположить не мог, как мало суждено ему просуществовать в условиях войны с Севером...

Вернувшись домой и посоветовавшись с гражданами, я решил объехать второе полушарие планеты, посмотреть, как идут дела у других народов, и попробовать уговорить их вступить в Альянс. Мои люди связались с северянами по радио и попытались договориться об официальном визите. Но, к сожалению, алсиане к тому времени уже прибрали к рукам персидские нации.

Дома, в нашем возлюбленном Сенаре, группа заинтересованных лиц направила в парламент письмо с просьбой рассмотреть проблему похищенных детей. Их биологический возраст теперь составлял девять-десять лет (год ускорения, два года замедления и по году за каждые десять лет трансa). Мы опасались, что алсианская культура уже наложила несмываемое клеймо на личность каждого из них.

Стало очевидно, что, не возвратив пленников в Сенар до

достижения ими совершеннолетия, мы рискуем потерять детей навсегда. Сенарцы – народ, почитающий семью превыше всего, кроме разве что Бога, поэтому перспектива никогда не увидеть своих отпрысков крайне огорчала отцов, многие из которых состояли на службе в армии. Детская тема стала самой актуальной в дружеских разговорах и в зарождающейся общегалилейской сети.

Некоторые предлагали мирно договориться с алсианами, другие хотели предпринять рейд и отобрать заложников силой. Армия не бездействовала, но каждый солдат считает себя воином и не очень любит вкалывать наравне с гражданскими. Военные выполняли работу инженеров и плотников, строили мосты и вставляли стекла в витрины магазинов. На ежемесячных собраниях, как доложили мои помощники, многие выражали недовольство. Пока мы старались сделать плодородными восточные берега Галилея, начали просачиваться слухи о легкой жизни северян. Говорили, что алсиане незаконно присвоили себе землю, практически украли ее и якобы они всяческими способами пытаются оказывать влияние на Конвенто и Смиа. Я не вполне понимал, чему верить: планы создания агрессивной империи противоречили всей алсианской философии, но, с другой стороны, есть немало примеров их дьявольской хитрости.

Многим стало совершенно ясно, что придет время и наши две нации столкнутся в жестоком конфликте и тогда белые пустыни Соли станут красными от людской крови.

ПЕТЯ

Когда пришло осознание важности стоявшей перед нами задачи, многие люди заплакали. Соленые слезы падали на соленую землю. Мы о многом мечтали на пути сюда, пытались нарисовать в воображении свой будущий мир, но никому он не представлялся таким унылым.

Пустыня, созданная Богом, чтобы проверить силу воли людей. Нехватка воды. Хлор и другие ядовитые газы в воздухе.

Высшие слои атмосферы, содержащие недостаточное количество озона, из-за чего в среднем житель Соли получал примерно двадцать-тридцать рентген в год.

Любая форма растительности, которую ученые привезли с Земли, отказывалась приживаться в насыщенной солью почве. Мы могли высаживать растения лишь в небольшие искусственно созданные из наших отходов клочки земли. Конечно, существовали местные представители флоры, но их нельзя есть или использовать в любых других целях.

Соляная трава, тридцать три (по крайней мере) вида которой занесено в каталоги, вообще мало похожа на растение. Скорее это примитивное сообщество соляных кристаллов, не имеющих даже клеточного строения. Морская водоросль непригодна для еды, хотя и используется как удобрение.

ние для некоторых видоизмененных овощей. Земляной водоросли можно найти применение, но она растет только в горах и (наверное) в холмах на далеком юге.

Ближе к воде и на возвышенностях, где находится довольно большое количество хлорида магния, сульфата магния, сульфата кальция и хлористого калия, существует какая-то местная растительность. Но в пустыне ничто не растет, даже соляная трава не выживает в иссушенной пустоте, при постоянном вое диких ветров. А ведь пустыня занимает более восьмидесяти процентов поверхности нашей планеты.

Молодое поколение мечтает о преобразовании всего мира, и некоторые изменения можно увидеть уже сейчас. Я могу прогуливаться по берегу моря на севере без маски, могу дотронуться до широких восковых листьев новых растений, растереть в руке маленькие зернышки из бутона лягушачьего цветка и вдохнуть его горький аромат. Вид на побережье у Смиты поражает наличием зелени, роскошной полосы луга у моря, темной до Цвета индиго.

Но мы едва ли изменили этот мир. От зеленого рая всего десять минут ходьбы до первозданной пустыни на юго-востоке, до бесконечных соляных дюн и вакуума Великой Пустыни.

Люди плакали, потому что первые годы жизни на Соли вполне могли стать продолжением заточения, начавшегося во время путешествия. Мы все так же много времени проводили дома, прячась от солнечного света под куполом корабля

или в землянках без окон. Опять ели переработанную пищу.

Я собирался удобрять отходами плодородную землю иного мира и выращивать на ней шпинат и капусту, но в первые месяцы продукты пищеварения были настолько ценными, что мы не могли себе позволить расходовать их на удобрения и присадки. Проводились научные собрания, на которых люди пытались найти наилучшие способы очищения атмосферы от хлора, создания озонового слоя, земли, пригодной для получения сельскохозяйственной продукции. Но очень часто я покидал эти совещания, не дождавшись, пока закончатся, чтобы найти утешение в бутылке со спиртным или в постели подруги. Задача, стоявшая перед нами, казалась невыполнимой. Но мы не должны были терять веру в себя. В новом мире имелись и положительные моменты. Во-первых, преобладал умеренный климат: жаркое лето – в центре экваториальной пустыни слишком жаркое, губительное, без тени, воды и ветра, – и немногим более холодная зима, исключая полюс, где температура большую часть года не поднималась выше нуля. А на протяжении долгих весны и осени – так просто отличная погода. Во-вторых, вода все-таки имелась, хоть и в небольших количествах. Могло случиться, что мы попали бы в совсем безводный мир. И, как однажды сказала мне моя любимая, если бы на планете были океаны воды, но не имелось ни крупинки соли, мы наверняка бы погибли.

Наверное, она шутила. Женщины любят шутить. Давайте

я расскажу вам, как мы устраивались в новом мире. Списки нарядов-поручений переделали в соответствии с изменением задач. Люди, получавшие назначение на агрикультурные работы, проводили время в поле, очищая от соли верхние пласты земли, вплоть до появления кварцевого гранита. Выходили глубокие, пустые дыры в форме бассейнов, в которые потом укладывали пластик с корабля, а его, в свою очередь, покрывали двойным слоем стеклопластика. Затем все засыпали размельченным с помощью лазера гравием с гор, первоклассной галькой и отходами. Последних не хватало, потому что над нами все еще висела необходимость получения пищи путем переработки.

Мы пытались создать плодородную почву, что было весьма нелегкой задачей. Земля – это смесь минералов и перегноя, которая формировалась на моей родной планете миллионы лет.

Пока не будут достигнуты идеальные пропорции компонентов, а ней ничего не приживется. Месяцами мы выращивали одни сорняки, пригодные для употребления только после долгого кипячения, да еще, что самое интересное, помидоры. Овощи отличались повышенной радиоактивностью, но мы все равно их ели. Производство пищевых продуктов стало большим достижением: мы меньше зависели от сокращавшихся корабельных запасов и кошмарных переработочных бочек. Тогда, как и сейчас исполнение назначений могло занимать только четверть от всего свободного вре-

мени алсианина, и то если объявлялось чрезвычайное положение. Но вначале мало кто придерживался этого правила. Если вторую половину утра необходимо было провести на сельскохозяйственных работах, то мы быстро заканчивали с предыдущим заданием и оставались в пустыне на весь день. Я месяц вместе с другими работал над созданием почвенного слоя, затем изучал фауну, позже строил дороги.

Фауну у нас представляли птицы, но они оставались на корабле. Единицы, которые предпочли вылететь, быстро умерли от негодного для дыхания воздуха и высокой радиации. Птицы падали на землю, словно маленькие узелки тряпья. Уход за корабельными птицами меня не привлекал, поэтому я посвятил свое время угрям. Мы создали что-то вроде бассейнов и запустили туда наполовину опресненную воду из моря. Затем достали замороженные эмбрионы угрей, довели их до состояния детенышей с помощью генной инженерии, а потом выпустили в водяные загоны – чтобы те плавали и подрастали себе.

– Если у нас получится опреснить Арадис хотя бы наполовину, – сказал Эредикс, когда мы купались в теплой воде вместе с угрями, которые извивались рядом с нашими ногами, – мы сможем все море заселить этими животными.

Эредикс – это мой друг и напарник по созданию прудов для угрей.

– Не забывай о радиации, – ответил я, кивая на крышу, которая состояла из двух листов пластика с блокирующим

гелем между ними.

От активного солнца крыша защищала плохо. Уровень радиации все еще оставался высоким, часто случались мутации.

– Это не вопрос, – возразил Эредикс. – Они с малолетства привыкли уходить в глубину, сама вода их защищает.

Но тогда оставалась еще одна большая проблема – опреснение. Вначале единственным организмом, который мог выжить в соленых морях планеты, была местная водоросль, и даже ей приходилось нелегко. Она селилась у берега, где в жару соль могла кристаллизироваться на поверхности воды. Водоросль росла под образовавшейся коркой, наслаждаясь наполовину очищенной водой. Эта особенность облегчала нам ее поиск: разбиваешь хрупкий белый лист соли, поднимаешь его и собираешь урожай из голубых и зеленых полосок. Водоросли успешно применяли как удобрение, но сразу их съесть нельзя. К тому же растение отвратительно пахнет, как трижды перегнившая пища.

Еще никто не пытался выделить соль из воды. Все происходило наоборот: воду извлекали из рассола и собирали в другом месте. Но проверить подобное со всем Арадисом не представлялось возможным, мы не могли прокипятить океан, а затем аккумулировать чистую воду. Поэтому на посиделках у вечерних костров люди не только попивали алкогольные напитки, танцевали или рассказывали друг другу невероятные истории, но и выдвигали свои разной степени

абсурдности планы опреснения моря.

Однако буду рассказывать все по порядку. Появились первые общежития. Мы научились добывать в близлежащих горах металл, который по траншеям перевозили к Истенемскому холму. Под складом вырыли три основных общежития – таким образом металл и соляной камень холма защищали нас от радиации. Многие обрадовались возможности переехать туда, оставив корабль целиком под разведение животных и птиц. Конечно, находились и такие, кто не желал жить общиной, но и эта проблема была решаемой – они могли селиться, где им вздумается. Свобода действий индивида была ограничена, женщине или мужчине тяжело в одиночку строить целый дом, тем более на негостеприимной Соли. Но многие люди все же покидали общежития, пытались возводить собственные жилища одни или в маленьких группах.

Появились стихийные сообщества, соорудившие залы с каменными крышами, церкви, просторные квартиры. Некоторые пожелали остаться под куполом в корабле, хотя это и означало необходимость мириться с отвратительным запахом от птиц и животных. Купол все еще оставался самой надежной защитой от радиации, что оказалось для последней группы существ важнее всего.

Одно из общежитий предназначалось для женщин и матерей с детьми. Два других были общими, хотя в одном из них располагалась больница. Первые несколько месяцев я жил в общем доме с моей тогдашней подругой, но к концу перво-

го года она забеременела и переехала в дом для матерей с детьми. Мы, конечно, продолжали встречаться, иногда обедали вместе, но тогда люди были в большей степени пуританами, нежели сейчас. Новомодная тенденция к внебрачному сожителству еще не вступила в права.

Ее звали Турья. Наши отношения завязались в первую неделю после приземления «Алса» на новой планете. Она двигалась грациозно, как танцовщица, хотя и отличалась некоторой угловатостью. У Турьи отсутствовали приятные округлости, имеющиеся у многих женщин. Плоская фигура, грудь с твердостью линий автомобильных фар. Прямые ноги и никакой талии. И тем не менее эта женщина поражала изяществом; она ходила почти на цыпочках. Ее лицо – образец неземной красоты.

Однажды Турье выпал наряд на выполнение работ по уходу за птицами. После заполнения кормушек, что занимало несколько минут, она все остальное время потратила на кормление гусей. В то утро я решил прогуляться. Накануне вся ночь прошла в сооружении крыши для нового пруда. Это изматывающая физическая работа, после которой неплохо бы вздремнуть. Но я еще не успел остыть после напряженного труда, был возбужден и испытывал желание поболтать с остальными членами команды. Ну, знаете, как это бывает – общий смех, песни, плоские шутки.

Нас было четверо, двое мужчин и две женщины. Иногда люди в группе срабатываются, иногда нет. Да и как может

быть иначе при случайном подборе команды? Нам повезло – мы сработались и закончили работу за одну ночь, вместо двух дней по плану. Так и бывает, когда напарники веселят друг друга, смеются над неудачами и случайностями. Я порезал руку о подпорку и со всех ног бежал в общежитие ее перевязать, остальные с юмором восприняли происшествие. Когда я вернулся, они развеселились еще больше. Крышу построили так быстро, что ощущение законченности не успело появиться. Мы практически хотели снова изматывать себя трудом, желали, чтобы работа продолжалась. Но делать было уже нечего, кроме как тысячу раз проверить законченный купол. Поэтому мы сидели на рассвете, отмечая окончание задания, разговаривая и смеясь.

Моих соратников звали Гамар, Сипос и Зорис. Во время путешествия я некоторое время встречался с Зорис, но мы мало разговаривали. Она могла похвастаться самыми красивыми волосами, которые я только видел у женщины. Локоны просто сияли чернотой. Ей пришлось постричься наголо еще на корабле, но за время транса и торможения волосы отросли до плеч.

Оказалось, что очень приятно обнаружить прошлую связь, человека, которому я когда-то кивал, проходя мимо, которому улыбался. Мы говорили о радиации – о том, от чего защищала только что построенная нами крыша.

– Конечно, – рассуждал Гамар, – замену несколькими метрами металла трудно найти. Пластик с гелем вряд ли с ними

сравнится.

– Значит, наши усилия пропали даром! – засмеялась Сипос.

Мысль о том, что мы зря потратили целую ночь, показалась уморительной: ее слова вызвали порыв смеха.

– Но металл не поможет вырабатывать электричество, – заметил я.

В этом состояла изюминка нашей конструкции. Два листа твердого пластика и расстояние между ними, заполненное сложным полимерным гелем. Последний впитывал солнечное излучение, захватывал пролетающие частицы, как ребенок, играя, ловит подброшенный мячик: происходила резонансная реакция, продукты которой сенсоры в основе конструкции превращали в электричество, а оно, в свою очередь, использовалось для обслуживания пруда (нагреваания его ночью, подачи воздуха, пищи и так далее). Замечательная идея. Хотя гель и теряет свои защитные свойства со временем и требует замены каждые пять месяцев.

Гамар – крупный мужчина с большим количеством рыжих волос на теле, то есть на груди и спине. Щетина росла и на шее, но подбородок он брил. Голова его, напротив, была совершенно лысой, и когда Гамар раздевался по пояс – как той ночью из-за жары, – выглядела странно чистой и опрятной по сравнению с буйной растительностью на торсе.

Гамар посасывал водку через соломинку. При таком способе употребления, как он объяснял, увеличивается количе-

ство алкоголя, поступающего прямо в кровь. Но я никогда не улавливал логику этого положения. Теперь, уже немного захмелевшего, Гамара потянуло на размышления.

– Как-то странно думать об этом, правда? – произнес он. – Возможно, все дело в невидимости. Представьте, – его левая рука очертила круг, – все вокруг нас. Идет дождь из радиации, она падает на наши головы.

На самом деле мы сидели под крышей около пруда, в который только что выпустили угрят (слишком маленьких, впрочем, чтобы их увидеть невооруженным глазом). Так что кое-какая защита от радиации все-таки имелась. Сипос хотела намекнуть ему на это, но Гамар не обратил на нее внимания и продолжал:

– Частицы, – сказал он так, будто бы мы не знали. – Мельчайшие оторванные у солнца частицы, оторванные и выброшенные со скоростью света. Они падают вниз, на всех нас. Как неиссякаемый поток пыли.

Это тоже не совсем соответствовало истине: судя по показаниям приборов, мы прибыли на Соль в самый разгар необычайно интенсивного периода солнечной активности. Лет через двенадцать уровень радиации обещал понизиться до менее вредоносных отметок. Но никто из нас не стал приводить факты. Возможно, гамаровские странные поэтические сентенции вдохновили нас. Мы пили и пили. Алкоголь приносил приятное ощущение тепла.

– Вы не можете их увидеть, – почти прошептал он, –

или понюхать, или попробовать, не можете потрогать пальцами. Только ДНК чувствует их, чувствует маленькие точки, вертящиеся вокруг, переставляющие атомы в молекулах. Они составляют схему болезни. Костяшки перемешиваются, и выпадает «рак». Как все это странно. Вечная пыль, оседающая вокруг нас, сегодня, завтра, послезавтра... бесконечно.

– Я читала у Лукреция, – вдруг перебила Зорис, – что вся вселенная устроена таким образом. – Зорис питала страсть к древнему и новому латинскому. – Так считали древние: бесконечный дождь из пыли, падающий из ниоткуда в никуда. Лукреций говорил, что реальность появилась оттуда. Что-то вмешалось и изменило наклон падения, атомы начали сталкиваться и соединяться.

– Вряд ли он имел в виду радиацию, – заметила более прозаически настроенная Сипос. – Лукреций жил в древности, а тогда точно не знали подобных вещей.

– Наверное, это была поэтическая мысль, – сказал я.

Зорис отчего-то разозлилась.

– Да что ты вообще об этом знаешь? – почти прошипела она.

– Я читал книгу, – возразил я, сам немного раздражаясь. – «Природа вещей». Я читал ее дома у мамы.

– Но в переводе, – настаивала женщина, – не на древне-латинском.

– Латинский, – фыркнул я.

– Я могу прочесть на новом латинском, – заметила Си-

пос, пытаясь разрядить ситуацию.

Она в юности путешествовала по республикам Ватикана, насколько я знаю.

Но Зорис новость не впечатлила.

– Детский сад! – Она сплюнула. – Его можно выучить за день.

Гамар откашлялся. Препирательства заставляли его чувствовать себя не в своей тарелке. Сипос тоже не нравились ссоры. Из-за врожденного прямодушия она больше ладила с фактами, чем с мечтами.

– Основной вопрос остается нерешенным, – сказала она, немного повысив голос, стараясь замять предыдущую тему. – Что нам делать с уровнем радиации? Нужно что-то по-существенней крыш и земляных нор.

Гамар кивнул:

– Необходимы две вещи: озоновый слой и магнитосфера.

– Именно в таком порядке?

– Как раз наоборот, – ответила Зорис.

Признаюсь, что я слишком близко к сердцу принял обсуждавшуюся тему, да к тому же немного разозлился на Зорис.

– Что за ерунда! И как же ты собираешься создать магнитосферу? – презрительно усмехнулся я.

Опишу ситуацию (хотя вы наверняка и без меня все знаете): у Соли очень слабая магнитосфера. В сердце нашего мира находится железно-никелевая лава, покрытая гранитом, в основном кварцем. Быстрота вращения сердцевинны и по-

кровя неодинакова, и эти различия создают магнитное поле, как и на Земле. Но на Соли разница в скоростях невелика, поэтому вырабатываемое поле не сильно ощущается.

Существует много теорий, но самое вероятное объяснение феномена состоит в том, что наш мир слишком стар. Ядро замедлялось на протяжении миллиардов лет. Это также проливает свет на другие факты. Возможно, поверхность планеты когда-то состояла из одного огромного соленого моря, но с годами вода терялась. Может, здесь царила жизнь, и жизнь разумная. Некоторые люди хвастались, что однажды откапают окаменелые останки праматерей Соли, другие настаивали, что никаких ископаемых обитателей на планете никогда не было и быть не может, не говоря уже о разумных существах. Кто-то до сих пор отказывался верить в скорую смерть планеты: в самом деле, имелись и другие теории, не менее достойные.

Магнитосфера лучше всего защищает от буйства солнечных лучей. Но наша для этого дела не годилась. Никак нельзя подтолкнуть ядро, проникнуть в сердце мира и Божьей рукой дать ему хороший толчок.

– Надо работать над закачиванием озона, или похожих экранирующих газов, в стратосферу, – сказала Сипос.

Традиционный ответ.

– Я говорил с ребятами, и у нас появился план, – заявил Гамар. – В конце концов, мы не обязаны закрывать весь мир, только самих себя. Почему бы не построить фильтр, огром-

ный фильтр с километр в диаметре, и установить его на орбите над территорией Алса?

Мы, естественно, посмеялись над предложением, но Гамар, оказывается, говорил вполне серьезно. Он начал развивать свою концепцию. Щит можно сделать из кристаллов, выращенных на орбите; фильтр бы сделал солнечный свет в полдень переносимым, изменил бы температуру атмосферы и прекратил утренние и вечерние ветры. Через некоторое время философ начал злиться, видя наше непонимание великой идеи:

– Сами-то вы что можете предложить?

– Сошьем наполненное гелем одеяло и укутаем мир! – воскликнул я.

– Выроем норы и уподобимся кротам! – развеселилась Зорис.

– Бог нам поможет, – печально сказала Сипос.

После прибытия на планету атеизм начал распространяться среди алсиан с невероятной быстротой. Наверное, по большей части из-за того, что земля обетованная оказалась несовершенной. Бог не подготовил ее для нас. Конечно, вера – личное дело каждого. Многие из нас согласились на опросах назваться христианами, только чтобы «Алсу» разрешили присоединиться к флоту. Это древняя история, но изначально инициатива по проведению полета исходила от «Всемирного собора христианских церквей». Мы присоединились именно к ним, потому что ни одна из политических

групп нас не принимала. С другой стороны, были и глубоко религиозные люди или хотя бы духовные. Я – один из них.

Некоторое время мы сидели молча, с той внезапной серьезностью, которая приходит при сильном опьянении. Я прижался лицом к внутренней стене щита, который мы только что построили. Снаружи шел невидимый, но ощущаемый нашими ДНК, как сказал Гамар, дождь из солнечных частичек. Я попытался представить его, нарисовать в воображении маленькие градинки или смертоносные пули, падающие тысячами на каждый миллиметр земли. Но не смог. По неведомой причине перед глазами стояли плавно опускающиеся снежинки, хлопья радиоактивности, которые кружит выюга: белый пчелиный рой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.